

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ –
ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ
ВСЕЯ РУСИ

Русская история

Валерий Шамбаров

**Иван Васильевич –
грозный царь всея Руси**

«Алисторус»

2023

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

Шамбаров В. Е.

Иван Васильевич – грозный царь всея Руси / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2023 — (Русская история)

ISBN 978-5-00222-224-7

Фигуру Ивана Грозного различные авторы рисуют в резко противоположных тонах, светлых - или сугубо черных. Каким же он был, первый русский царь, вдвое увеличивший территорию страны, создававший школы, типографии, первые регулярные войска? Об этом рассказывает новая книга известного писателя-историка Валерия Шамбарова «Иван Васильевич — грозный царь всея Руси». Она прослеживает непростой жизненный путь государя, его заботы об устройстве своей державы, борьбу с изменой и хищничеством, схватки с внешними врагами. Разбираются клевета и фальсификации, искажившие реальный образ царя. Особая ценность настоящей работы состоит в том, что она является одной из самых полных биографий Ивана Грозного. Написана она живым и доступным языком, но в научном формате, все факты и выводы строго подкрепляются ссылками на источники. Поэтому книга будет полезной и интересной как для специалистов, так и для любителей нашей славной истории. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00222-224-7

© Шамбаров В. Е., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Валерий Шамбаров
Иван Васильевич – грозный царь всея Руси

© Шамбаров В.Е., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Вместо пролога

Две строки в святцах

В 1875–1876 гг. в Москве был издан фундаментальный труд ректора Вифанской духовной академии архиепископа Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока». Это стало событием всей церковной жизни. Автор изучил и проработал огромную массу агиографических источников, обобщил и систематизировал их, создав самый полный на сегодняшний день перечень святых, почитаемых в России. В ходе этой работы были подняты уникальные забытые документы, пылившиеся на полках архивов, в частных коллекциях. Анализируя их, владыка Сергий писал об одной из таких рукописей: «Из святцев Московского музея замечательнейшие, как мы сказали, по полноте и особенностям святцы Ундольского № 237, написанные в 1621 году. В конце их, на листе 267 значится: “совершены бысть сии святцы в лето 7129, апреля в 25 день, в 4 час в Корежемском монастыре”» [1].

Упомянутые святцы были найдены в Коряжемском Николаевском монастыре библиографом и археографом Ундольским и описаны в его работе «Очерк славяно-русской библиографии» [2]. И как раз в Коряжемских святцах архиепископ Сергий отметил запись под 10 июня «Обретение телеси Царя Ивана» [3]. К данной записи выдающийся богослов обратился еще раз, в приложениях к своему труду с алфавитными списками святых: «Иоанна, Царя, обретение телеси июня 10. 1621» [4]. На текст, обнаруженный владыкой Сергием, обратил внимание видный церковный историк Голубинский. В своей «Истории канонизации святых в Русской Церкви» он несколько озадаченно писал: «Под Царем Иваном, конечно, разумеется Грозный, умерший 18 марта 1584 года. Какое разумеется обретение Его тела, не знаем; во всяком случае не совсем ожидаемо, что Грозный внесен в каталог святых...» [5].

На свидетельства доктора богословия Сергия (Спасского) и академика Императорской Академии наук Е.Е. Голубинского давно уже опираются поборники правды в русской истории, развернувшие работу по восстановлению истинного облика Ивана Грозного, его очищению от клеветы. Тем более что «Полный месяцеслов Востока» был переиздан в 1997 г. по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Во вступительной статье к переизданию отмечено: «Это – труд, которым должна гордиться Русская Церковь». Хотя такие доводы, как упоминание Царя в «Полном месяцеслове Востока», до недавнего времени встречали возражения по формальным признакам – свидетельство владыки Сергия вторично. Документ, на который он ссылался, утрачен. Следовательно, не исключена ошибка.

Поисками подлинника занялся слушатель Московской академии Свято-Троицкой Сергиевской лавры иеромонах Калинин (Шепеленко). Он трудился над магистерской работой об Иване Грозном, а от монастыря был направлен для сканирования рукописей, некогда изъятых из библиотеки Лавры. Они хранились в двух местах, отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве и в отделе рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга. Иеромонах Калинин желал найти Коряжемские святцы, но, оценив количество документов, был в растерянности. 15 сентября 2001 г. он обратился за советом к одному из самых почитаемых в России праведных старцев Николаю (Гурьянову): «Объем работы огромный, единиц хранения – сотни. Где искать Коряжемские святцы, отче?» «В Москве, в отделе рукописей, – благословил его старец. – И я буду вместе с вами искать, и мы их обязательно найдем. Правда о Грозном Царе откроется всем» [6].

Уже после преставления старца Николая, 14 ноября 2002 г., поиски иеромонаха Калинина увенчались успехом. Был обретен подлинник Коряжемских святцев. При этом обнаружилось, что даже владыка Сергий (Спасский) под влиянием ложных тенденций, возобладавших в XIX в., «сгладил» текст упомянутой записи. В оригинале на 10 июня значится: «В тот же день

– обретение **святого** телеси **великомученика** Царя Иванна...» [7]. Мало того, в Коряжемских святцах содержится еще одно упоминание Грозного, в записи на 30 апреля: «... В то и же день обретение честных мощей иже во святых отца нашего Никиты, епископа Новгородскаго, новаго чудотворца. Обретены быша мощи в лето 7066 по 450 лет преставления его при **благоверном** Государи Цари и Великом Князе Иванне Васильевиче, всеа Русии Самодержце...» [8].

Две строки в святцах. Два документальных свидетельства из далекого прошлого. Впрочем, их гораздо больше. Письменные свидетельства полностью соответствуют иконографическим. Царь Иван Васильевич изображен с нимбом святого на фреске Спасо-Преображенского собора Московского Новоспасского монастыря (XVII в.), в клейме Тихвинской иконы Божьей Матери из храма Московского Преображенского кладбища (конец XVI в.), в клейме Тихвинской иконы Божьей Матери с чудесами из храма Смоленской иконы Божьей Матери в Калуге (XVII в.). Фрески Грановитой палаты в московском Кремле были утрачены в начале XVIII в. Но в 1672 г. знаменитый иконописец Симон Ушаков составил подробную их опись и расшифровку надписей. В 1881 г. по указанию императора Александра III палехские иконописцы братья Белоусовы по описи Ушакова восстановили фрески [8], и Грозный царь снова предстает перед нами в нимбе. А надпись над ним гласит: «Благоверный и Христолюбивый, Богом венчанный Великий Государь Царь и Великий Князь Иоанн Васильевич, Всея великия России, многих государств Государь и Самодержец».

Вглядимся в его лик. Строгий, спокойный, величественный. И внимательный, вопрошающий. Кто мы, взирающие на его изображение? Как и чем живем? Как относимся к его главному детищу – православной Российской державе? Так он смотрит на нас сейчас. Оттуда, из неизмеримо далеких, но и неизмеримо близких для каждого Небесных чертогов. Он дошел туда и получил право взирать на нас именно так. Получил право на вечное величие и спокойствие. Но ведь сперва у него была земная жизнь. Яркая, славная, бурная – и чрезвычайно опасная, горькая, трагическая. Об этой жизни мы и поведем наш рассказ.

Глава 1

Что бывает написано на роду?

На Руси бытует поговорка: «так ему на роду написано». Возможно, она пошла еще с языческих времен, и мы с вами не будем развивать теории фаталистов – Господь даровал человеку свободную волю, и его выбор зависит от него самого. Но ведь что-то и задается заранее. А на роду Ивана Васильевича было написано очень много. Потому что сам род был не простой – Рюриковичей, великих князей Киевских, Владимирских, Московских, создателей и защитников Святой Руси! И случайное ли совпадение? Именно этот род дал Православной Церкви наибольшее количество святых угодников!

По разным источникам автору удалось насчитать свыше 180 святых князей и княгинь из рода Рюриковичей, среди них равноапостольные Владимир и Ольга, страстотерпцы Борис и Глеб, мученики Юрий Всеволодович, Василько Ростовский, Всеволод Ярославский, Василий Козельский, Михаил Черниговский, Михаил Тверской, преподобные Николай Святоша, Ефросиния Полоцкая, Евфросиния Суздальская, Анна Кашинская, Ефросинья Московская, благоверные Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Петр и Феврония Муромские, Александр Невский, Даниил Московский, Иван Калита, Дмитрий Донской и многие, многие другие – и все они были родственниками будущего царя.

Впрочем, родственные узы связывали Ивана Васильевича не только с русской династией. Женой Ярослава Мудрого была дочь крестителя шведов Олафа Святого, супругой его сына Всеволода – дочь императора Византии Константина Мономаха. Их сын Владимир Мономах был женат на дочери английского короля Гарольда II, Юрий Долгорукий – предположительно на греческой княжне из рода Комнинов. Великий князь Московский Василий Дмитриевич женился на дочери великого князя Литвы, породнившись с Гедиминовичами – правящей династией Литвы, и с Ягеллонами, королями Польши. А бабушкой будущего царя стала Софья Палеолог – племянница последнего византийского императора Константина.

Но мы рассмотрели родичей будущего царя только по отцовской линии, а его мать происходила из литовских князей Глинских. Этот род вел свое происхождение от ордынского темника Мамай. Он носил титул гурления – ханского зятя, был женат на дочери хана Бербибека, и, таким образом, его дети принадлежали к царскому роду Чингизидов. А бабушкой Ивана Васильевича по материнской линии была Анна Якшич, дочь сербского воеводы, связанного родством с последней династией деспотов (правителей) Сербии Бранковичей. Кстати, они тоже были в родстве с императорами Византии Палеологами. Несколько представителей рода Бранковичей были прославлены в Сербии в лике святых. Православный святой известен и среди Чингизидов – правнук Чингисхана, преподобный Петр Ордынский.

Как видим, в генеалогическом древе Ивана Васильевича сошлись ветви сразу несколько царских, великокняжеских, королевских династий. Но на роду у него было написано не только происхождение – а и свершения его предков. Из осколков погибших Владимирской и Киевской Руси, из россыпи ссорящихся между собой удельчиков они собирали вокруг Москвы новую державу. А главную идею этого собирания задал наставник Ивана Калиты – святой митрополит Петр. Он учил, что Москва должна стать духовным центром Руси. «И сам прославишься паче иных князей, и сынове и внуци твои в роды, и град сей славен будет во всех градах Русских, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плеча враг его, и прославится Бог с ним» [10].

Надо угождать не людям, а Господу, и Он Сам даст тебе все, что нужно. Но чем заслужить Его милость? Нет, не только покаянными молитвами, не только строительством храмов и раздачей милостыни. Главная добродетель князя – Правда. «Искупил грехи свои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Даниил, 4; 20).

О наставлениях святителя Петра, о великой идее, которая закладывалась в фундамент будущей державы, нам известно из Похвалы Ивану Калите, составленной дьяками Мелентием и Прокшей и включенной в рукопись Сийского Евангелия: «О сем бо князи великом Иване пророк Езекия глаголет: “В последнее время в опустевший земли на запад встанет Цесарь, правду любя и суд не по мзде судяй ни в поношение поганым странам. При сем будет тишина велья по Русской земли и воссияет во дни его правда”... О сем бо песнословец глаголет: “Постави, Господи, законодавца над нами, да разумеют языци, яко человецы суть”. То же рек: “Боже, суд Цесареви даи же правду сынове Цесареву”... Сирым в бедах помощник, вдовицы от насильник изымая, яко от уст львов...» [11]

Царство последних времен! Царство Правды! Конечно, на практике достичь такого получилось далеко не всегда. Но Царство Правды было идеалом, к которому стремились Московские государи, и само стремление к подобному идеалу давало свои плоды. Далеко не все удельные княжества и земли горели желанием подчиниться Москве. Наоборот, психология XIV–XV вв. подталкивала цепляться за самостоятельность. Но по Руси расходилась молва о жизни в Московских владениях: законность, порядок, справедливый суд, контроль князей над чиновниками, защита от внешних врагов, государственная помощь неимущим. По меркам той суровой эпохи это было совсем немало! Сюда переселялись крестьяне и ремесленники из других мест. Переезжали на службу бояре, воины. И если даже с каким-то княжеством случались столкновения, то потом шло сближение и срастание – люди убеждались, что под властью Московских князей жить лучше, надежнее, безопаснее.

А потом идея Царства последних времен стала открываться и другой стороной – необходимостью защиты Православной Веры. До сих пор ее признанным мировым центром считалась Византия. Но она хирела, теряла владения. Турки-османы даже не завоевывали, а заселяли ее земли, опустошенные самими греками в междоусобицах. Императорам пришлось признавать себя вассалами османских султанов, отдавать дочерей в их гаремы, а сыновей в заложники. Тем не менее, клочки бывшей империи удерживались посреди растущей Османской державы. Но греки решили искать помощь на Западе и ради этого согласились принять цену, назначенную Ватиканом, – пожертвовать чистотой веры. В 1438–1439 гг. Ферраро-Флорентийский собор, проходивший с участием императора Иоанна Палеолога и Константинопольского патриарха Иосифа принял унию, хартию о соединении греческой церкви с латинской под верховенством римского папы.

Великий князь Василий Темный унию отверг. Назначенного от Константинопольской патриархии митрополита Исидора, подписавшего хартию, арестовал и выгнал вон. А Русская Церковь вынуждена была отделиться от еретической патриархии, стала автокефальной. Что же касается Византии, то Флорентийская сделка ничего хорошего ей не принесла. Реальной помощи Запада она так и не получила, а Небесное покровительство утратила. В 1453 г. турки захватили Константинополь. На месте Византийской империи раскинулась Османская – обширная и могущественная, но мусульманская.

Торжествовали не только турки. Торжествовал и Ватикан. Теперь он провозглашал себя единственным центром мирового христианства, и тот же самый униат Исидор, уютно устроившийся в Риме и награжденный кардинальской шапкой, был поставлен от папы «патриархом Константинопольским» в изгнании. Но в это же время на востоке стала возвышаться и усиливаться держава, на которую европейцы до сих пор обращали мало внимания. Великое княжество Владимирское и Московское. Сын Василия Темного, Иван Васильевич (в исторической литературе его принято называть Иван III, Иван Великий), приращивал его уже не отдельными городами, а целыми княжествами. Под его защиту добровольно перешли Рязань и Псков, была присоединена богатая и своенравная Новгородская земля с ее бескрайними владениями, Русским Севером.

Причем в этих процессах опять играла определяющую роль идея Царства Правды. Первые шаги Ивана III по ограничению самостоятельности Новгорода были вызваны его изменой, нарушениями договоров, попытками передаться под власть короля Польши и Литвы. Конфликт не обошелся без военных столкновений. Но после поражений Новгороду пришлось признать великого князя высшей судебной инстанцией – и все простонародье сразу же стало его сторонниками! Ведь местная верхушка, «золотые пояса», притесняли людей очень серьезно.

Теперь они обрели возможность найти справедливость. В 1475 г. Иван III выехал в Новгород «миром», именно как судья. Уже возле Вышнего Волочка его «ждали первые новгородцы, принесшие жалобы на притеснения своих бояр... И на каждом стане все новые просители искали доступа к государю» [13]. Когда же он начал судить в Новгороде, «многие новгугородцы и жалобники и всякие люди житьи, и рушане, и монастырские, и прочи, иже в пределах ближних Новгорода, приидоша бити челом Великому Князю... понеже бо земля она от многих лет в своей воле живяху... и много зла бо в земле той, межи себе убийства, и грабежи, и домов разорение от них напрасно, кой с которого сможаше» [14].

Государь объявил, что отныне все обиженные могут обращаться к нему в Москве. Назначил время приема, и в 1477 г., невзирая на «вельми студеную зиму», к нему поехали «иные посадницы и житьи новгородцы, и поселяне, и черницы, и вдовы и вси преобижени великое множество» [15]. Это было небывалое паломничество! За Правдой! За справедливостью! Именно эти факторы и предопределили окончательную ликвидацию «вольностей» Новгорода, его слияние с Московской державой.

Расцветала и столица Руси, украшалась великолепными соборами и палатами Кремля, становилась достойной нового центра мирового Православия. Но усиление Русской державы крайне встревожило ее врагов. Давними ее соперницами выступали Польша и Литва, объединенные под властью одного короля – он носил недвусмысленный титул великого князя Литовского и Русского. В Прибалтике еще с XIII в. угнездился хищный Ливонский орден, не прекращал попыток захватить псковские и новгородские земли. Традиционными конкурентами русских на Балтике были шведы и торгово-политический союз Ганзы.

Золотая орда распалась, но на ее месте возникли Большая орда, Крымское, Астраханское, Казанское ханства, терроризирующие Русь постоянными набегами и силящиеся восстановить господство над ней. Вдобавок Москва превратилась в главное препятствие и для Ватикана, мешая распространению унии. Угрозу в ней увидели германские властители Священной Римской империи, опирающиеся на католическое духовенство. А на юге расширяла завоевания Османская империя. Крымское ханство стало ее вассалом.

Для сокрушающего удара сформировалась могущественная коалиция – король Польши и Литвы Казимир, хан Большой орды Ахмат, Казань, ливонские рыцари. Но эти планы обернулись плачевно для самих организаторов. Как страшный шторм, налетев на скалу, расшибает в пену собственные волны, так было и с врагами Руси. В 1480 г. в Стоянии на Угре измочалила силы Большая орда, рассыпалась, развеялась степными дымами. Разбились и ливонцы о стены Пскова, а потом подоспели государевы рати, крепко наказали их. Походы русских воевод раз за разом вразумляли казанцев, и ханство вынуждено было признать себя вассалом великого князя.

Вместо гибели и разорения Руси войны подняли ее на новую ступень. До сих пор юридическая зависимость великих князей Владимирских и Московских от татарских ханов все еще сохранялась, хотя и была уже в значительной мере формальной. Из политических соображений к властителям Орды обращались, как к своим сюзеренам. Татарского посла в Москве, представлявшего своего хана, сажали на почетное место, выше великого князя. Посылали в Орду подарки, а то и дань – небольшую и уже не регулярную, когда это считали полезным. Иван Великий окончательно отбросил такую зависимость, стал суверенным монархом.

Титул он принял – Государь всея Руси. Заявка была серьезная, учитывая, что значительная часть Руси оставалась под властью Литвы. А на печати Ивана Васильевича наряду с Небесным покровителем Москвы, святым Георгием Победоносцем, появился двуглавый орел. Прилетевший на Русь с Софьей Палеолог – герб Византии. Такая заявка была еще более серьезной. Ведь император Византии признавался покровителем всей Православной Церкви. А Иван Васильевич подтвердил это делом. В Литве нарастало засилье католиков. Православные оказывались в положении людей «второго сорта». Начались мятежи, и государь брал единоверцев под защиту, посылал им помощь. А когда по инициативе римского папы Александра VI Борджиа в Литве развернулись открытые гонения на православных и насильственное обращение их в католицизм, Иван Великий решительно отписал литовским властителям, что у них «строят латинские божницы в русских городах, отнимают жен у мужей, а детей у родителей и силою крестят в закон латинский... Могу ли видеть равнодушно утесняемое Православие?» [16]

Государевы полки грозно выступили на запад. И не помогли литовским властителям ни содействие папы и Германского императора, ни союз с Ливонским орденом. Православное население встречало московских воинов как братьев, многие города открывали им ворота, удельные князья переходили под руку Ивана Васильевича со своими княжествами. С каждым столкновением, с каждым возобновлением войны граница Русской державы с Литвой сдвигалась на запад. В ее пределы вошли Дорогобуж, верховья Оки, Новгород-Северский, Стародуб, Чернигов, Гомель.

Проучили и ливонцев, ганзейцев, примкнувших к ним шведов, старавшихся перекрыть пути для русской торговли с Европой. Главную контору Ганзы в Новгороде Иван Васильевич ликвидировал, вместо нее на реке Нарове было построен портовый город Ивангород. Ливонцев, прибалтийские города и Швецию вынудили разрешить свободную торговлю через их владения. Продолжалось и собирание русских земель. Вслед за Новгородом были присоединены Тверь, Вятка.

Эту политику продолжил сын и наследник Ивана Великого – Василий Иванович. Окончательно соединил со своей державой Псковское государство, Рязанское княжество. А попытки Литвы взять реванш, возратить утраченные владения оборачивались для нее новыми поражениями, у нее отобрали Смоленск. Побитые ливонцы начали уважительно именовать русских государей «царями» [17], и на монетах Василия Ивановича, отчеканенных в Пскове, тоже появился титул «царь». Видимо, как раз из-за того, что этот титул признали жившие по соседству ливонцы. Русская дипломатия начала его употреблять и в сношениях с другими иностранными державами.

А дальновидные люди в нашей стране уже задумывались о высокой миссии, возложенной на нее Господом. Ученый старец Елизарова Трехсвятительского монастыря Филофей в своих посланиях дяку Мисюру Мунехину и великому князю Василию Ивановичу обосновал идею Третьего Рима: «Да веси христолюбче и боголюбче, яко вся Христианская Царства приидоша в конец и снидошася во едино Царство нашего Государя. По пророческим книгам, то есть Росейское Царство; два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Именно это и оказалось «написано на роду» будущего царя Ивана Васильевича. Созданная его предками держава, большая и победоносная, но еще не прочная, сшитая «на живую нитку». Идея Царства Правды в основании этой державы и предначертанный путь Третьего Рима – пока еще не оформившийся, расплывчатый, зыбкий.

Однако этому сопутствовало и «написанное на роду» враждебное окружение. С запада – европейская цивилизация. Энергичная, агрессивная, как раз в это время начавшая расплескивать колониальную экспансию по разным континентам. Католический мир. Да, границы Московской Руси стали заметно сдвигаться на запад. Но ведь войны всякий раз начинала не она! Первыми постоянно нападали соседи при поддержке Ватикана и других западных держав. При чем использовались и методы, далекие от понятий какой-либо чести. В 1492 г., во время оче-

редной войны с Литвой, в Москве был раскрыт заговор. Князь Лукомский, переметнувшийся от короля Казимира под видом перебежчика, имел задание отравить Ивана Великого. Лукомского и его сообщника, «толмача латинского» Матиаса сожгли в срубе, казнили еще двоих изобличенных агентов, Алексея и Богдана Селевиных [18].

Активно действовала и западная дипломатия. После литовских поражений на Руси неизменно появлялись «миротворцы» – послы римских пап Александра VI Борджиа, Льва X Медичи, Климента VII Медичи, германского императора, австрийского эрцгерцога, венгерского короля. Доказывали пользу «благоразумной умеренности», всячески убеждали не искать территориальных приобретений на западе. А взамен предлагали союз с «христианскими государствами» Германии, Польши, Литвы, Венгрии – и войну с турками. Римские первосвященники даже обещали признать права государя Василия Ивановича на Константинополь, короновать «христианским императором». За такие перспективы просили сущую «мелочь» – соединить Русскую Православную Церковь с латинской, ввести унию [19]. Но великий князь не поддался на посулы Ватикана, как и на потуги стравить Русь с турками, отлично понимая, что в выигрыше окажутся вовсе не русские, а их западные противники.

Впрочем, восточное и южное окружение нашей страны тоже было трудно назвать дружественным. Осколки Золотой Орды оставались хищными и опасными соседями. Правда, они периодически враждовали и между собой, поэтому с Крымским ханом Менгли Гиреем Ивану Великому удалось заключить союз против Большой Орды и Литвы. Но преемников Менгли Гирея Литва перетянула на свою сторону, согласившись на регулярные выплаты дани. Следующий хан, Мехмет Гирей, объявил, что унаследовал власть царей Золотой Орды. Потребовал от Василия Ивановича платить «выход» – такую же дань, как прежним ордынским властителям. Мало того, указывал, что имеет право распоряжаться русскими землями и повелевает возвратить литовскому королю Сигизмунду Смоленск, Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль [20].

Казанское ханство признавало над собой власть Московского государя, но подчинение оставалось чисто формальным. В любой ситуации, которую казанская знать считала удобной, она свергала ханов, дружественных Москве, сажала на престол крымских ставленников и возобновляла набеги на русские земли. Приходилось снаряжать очередные походы на Казань, приносящая ханство замирится на прежних условиях. Но проходило совсем немного времени, и все повторялось.

Так, в 1521 г., в разгар победоносной войны с Литвой, крымский и казанский ханы нанесли совместный удар. Смяли оборону, осаждали Москву. Великий князь Василий успел выехать в Волоколамск, созывал войска с литовского фронта. А бояре без его ведома провели переговоры, выдали Мехмет Гирею грамоту, скрепленную великокняжеской печатью, что Русский государь признает себя данником Крыма. Правда, эту грамоту сумел хитростью выманить у хана рязанский воевода Хабар-Симский, но татары угнали массы пленных, ими были переполнены рынки Кафы, Казани, Астрахани. Цена на рабов упала, их сбывали десятками и сотнями. А престарелых, слабых и больных крымцы отдавали своим детям, чтобы тренировались убивать людей. Ну а великому князю пришлось пожертвовать плодами побед над литовцами, заключить с ними перемирие.

С Турцией наша страна установила дипломатические связи, заключала договоры о мире и торговле. Султаны ценили, что Русь отказывается присоединиться к враждебной им западной коалиции. Но попытки обуздать через них Крымское ханство успехов не приносили. В том же 1521 г. по представлению русских послов султан Сулейман Кануни (европейцы называли его Великолепный) направил в Бахчисарай фирман, запрещающий набеги. Но крымский хан ответил с предельной откровенностью: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?» [21]

Да, главная причина набегов была «экономической». Еще с глубокой древности Крым стал одним из главных мировых центров работорговли. Невольников скупало и перепродавало по всему Средиземноморью Боспорское царство. В VIII–IX вв. работорговля стала главной статьей дохода Хазанского каганата. Когда он погиб под мечами дружинников Святослава и был добит Владимиром Крестителем, иудейские работорговые общины сохранились. Они переместились в византийские города Крыма, скупая полон у печенегов и половцев [22]. Потом слабеющая Византия отдала свои владения в Крыму и Приазовье генуэзцам и венецианцам. Но под их покровительство перешли и переплелись с ними семейства, торговавшие здесь испокон веков. Достаточно отметить, что правитель венецианских колоний носил титул «консул Хазарии», а для управления генуэзскими колониями был создан особый орган «*Officium Gazariae*» [23].

У этих колоний сложился чрезвычайно выгодный симбиоз с Золотой Ордой, поставлявшей неограниченное количество невольников, главным образом русских. Итальянские корабли бойко развозили их по всему свету. Великий гуманист Петрарка писал, что у него «сердце радуется» от изобилия «скифских рабов» – дескать, всюду слышна их речь. Работорговые общины оказывали огромное влияние на политику Золотой Орды. Неудобные им ханы быстро лишались престола и жизни, как было с сыном Батыев христианом Сартаком, Тохтой, Джанибеком. Именно под влиянием и при поддержке работорговцев Мамай организовывал свой поход на Русь, когда власть над ней стала слабеть, а потоки невольников резко сократились. Под давлением тех же общин хан Тохтамыш столкнулся в погубивших его войнах со своим прежним покровителем Тимуром Тамерланом.

А венецианские и генуэзские суда курсировали по «золотому треугольнику». Основную часть живого товара сбывали на рынках Ближнего Востока, установив очень хорошие связи с египетскими правителями-мамлюками. Здесь набирали драгоценности и пряности, привозившиеся из Индии через Красное море. По бешеным ценам продавали их в Европе, загружаясь там сукном, украшениями и прочими товарами для ордынцев. Колоссальные прибыли от этой торговли как раз и обеспечили взлет итальянского «Возрождения». В XV в. черноморские колонии генуэзцев и венецианцев были захвачены турками. Но работорговые общины никуда не делись. Они имели огромный вес и в Константинополе, и в Крыму. А под их влиянием переродились татары. На первый план для них выдвинулась охота за невольниками. Без нее уже не могли существовать ни Крымское, ни Астраханское, ни Казанское ханства.

Впрочем, и турецкий султан не был заинтересован в прекращении набегов. Ему шла десятая часть добычи крымцев, его казна обогащалась пошлинами от работорговли. А мир и торговля с Москвой отнюдь не означали дружбы. Сулейман прекрасно понимал, что прямое столкновение с Русью будет на руку только его западным противникам. Но если открывалась возможность что-то прихватить без особого риска, отнюдь не отказывался. В 1523 г. казанский хан Сахиб Гирей, страшась, что русские ответят на набег, попросился в подданство к султану. Услышав об этом от турецких послов в Москве, бояре возразили, что Казань давно уже состоит под рукой Русского государя. Состоялся очередной поход, Сахиб сбежал, и занявший его место Сафа Гирей принес присягу на верность Василию Ивановичу. А султан не спорил. Помощи Сахибу не оказал. Но и в просьбе о подданстве не отказал. Стал числить Казанское ханство своим вассалом. Пусть даже номинальным, но в будущем могло пригодиться.

Однако у Московских государей и их державы имелись враги и внутри страны. Она собиралась из множества удельных княжеств. Потомки князей превращались в верхушку боярства. Но они тоже были Рюриковичами – Шуйские, Курбские, Кубенские, Ростовские, Микулинские, Воротынские и др. Они не забывали, что их отцы и деды были самостоятельными властителями, хотя власть в разорившихся удельчиках порой ограничивалась несколькими селами. Тем не менее, они сохраняли вотчины в родовых краях, формировали собственные дружины, и местное население до сих пор видело в них «своих» правителей. В русскую аристократию

влились и некоторые Гедиминовичи, перебежчики из Литвы. Их старались обласкать, женили на сестрах и племянницах государей, и они становились родственниками великих князей – Патрикеевы, Бельские, Мстиславские.

А между тем, собиравание Руси, преодоление губительных смут и усобиц, обладало существенными особенностями. Успехи Московских великих князей обеспечивались усилением центральной власти. Идея Царства Правды тоже требовала укрепления государственной дисциплины и контроля. Однако высшей знати никак не могло нравиться, что она превращается в слуг государя, обязанных исполнять его приказания. К ним примыкала боярская и торговая верхушка Новгорода и Пскова, поминавшая о былых «вольностях». Оппозиция идеализировала «старину», когда великий князь был «первым среди равных». И совершенно игнорировала реальные обстоятельства – при переходе удельных княжеств под власть Москвы большинство из них находилось в полном упадке и разорении, по уши в долгах. Причем обнищавшие мелкие князья доходили до откровенного грабежа собственных подданных [24].

Но перед глазами недовольной знати были соседняя Литва и связанная с ней Польша. Вот там возобладал иной путь развития, не централизации власти, а децентрализации. Права монархов были очень ограничены. Законы и важнейшие решения принимались выборными сеймами. В Польше они выбирали и королей. Фактическое управление осуществлял аристократический сенат, и не король распоряжался магнатами, а они диктовали ему свою волю. «Шляхетские свободы» провозглашались высшей ценностью, и паны были полными хозяевами в своих владениях, привыкли жить широко и вольготно, никем не стесняемые и не контролируемые.

Хотя государству это шло отнюдь не на пользу. Аристократы разболтались. По призыву на войну собирались медленно. Нередко действовали по своему разумению. И домой разъезжала, когда сочтут нужным. При набегах татар отсиживались в замках, предоставляя хищникам грабить и пленять крестьян. А для простого народа их «свободы» оборачивались сущим бедствием. Хозяева проводили время в праздниках, пирах, охотах. Но средства для этого выжимали из подданных. Причем землевладелец по своему усмотрению распоряжался не только имуществом, но и жизнью крестьян. В 1520 и 1525–1526 гг. Польшу, Литву и Россию посетил посол австрийского эрцгерцога барон Сигизмунд Герберштейн. Его задачей была поддержка Литвы на мирных переговорах с Василием Ивановичем, попытки склонить его к уступкам. К полякам и литовцам австрийская дипломатия относилась дружелюбно, держала их под покровительством.

Но, невзирая на явные политические симпатии, Герберштейн возмущался порядками, увиденными им в Литве: «Они не только пользуются неумеренной свободой, но и злоупотребляют ею»; «Народ жалок и угнетен... Ибо если кто в сопровождении слуг входит в жилище какого-нибудь поселянина, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить поселянина»; «Со времен Витовта вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят. Вследствие такой строгости, если судья или назначенный для разбора дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: “Спешите, господин гневается”, несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею» [25].

Но для русской знати положение польско-литовских аристократов казалось очень соблазнительным. А внешние враги пользовались этим. Подогревали оппозиционные настроения, выпячивая собственные «свободы» и насмехаясь над русским «рабством». Привечали перебежчиков, наводили тайные связи с недовольными. Так, в грозном 1480 г., когда на Русь нацеливалось совместное нашествие хана Ахмата, казанцев, Ливонского ордена и литовского короля

Казимира, готовился мятеж в Новгороде – заговор был своевременно ликвидирован Иваном Великим [26]. Вдобавок подняли мятеж братья самого государя Андрей Углицкий и Борис Волоцкий. Когда русские полки двинулись на Оку и Угру отражать татар, а Псков с трудом отражал нападения ливонцев, эти двое князей с 10 тыс. конницы пытались взбунтовать Новгород и Псков, а при отказе принялись разорять псковские земли [27]. Только посулив братьям увеличить их уделы, отдав ряд городов, Иван Великий сумел купить примирение.

В 1492 г., когда князь Лукомский и толмач Матиас Лях по заданию литовцев готовили отравление государя, выявилась их связь с князем Федором Бельским, хотя он по знатности рода отделался заключением и ссылкой в Галич [28]. При великом князе Василии Ивановиче измены стали еще более частыми. В 1510 г. связи с королем Сигизмундом установил государев брат Семен Калужский, жаловался иноземцам на ущемление своих прав и готовился бежать в Литву с группой бояр. Дело раскрыли, Василий хотел посадить Семена в темницу, но с ходатайством за него выступили другие братья, подключили митрополита и добились прощения.

В 1513 г., во время войны с Литвой, предал боярин Михаил Глинский. Он был перебежчиком «со стажем», в прошлой войне перекинулся на сторону русских. Но счел, что его недооценили, обиделся и решил переметнуться обратно. Переслал противнику военные секреты, и один из государевых корпусов был разгромлен под Оршей. Однако самого Глинского поймали. Суд приговорил его к смерти, и спасло его лишь желание вернуться из католицизма в православие. Василий Иванович заменил казнь пожизненным заключением и отдал осужденного под опеку митрополита.

Рязань давно уже жила под покровительством Москвы, получая от нее надежную защиту, и местные жители успели привыкнуть к этому, не отделяли себя от Русской державы. Но последний рязанский князь Иван вдруг попытался играть в самостоятельность. Завел сношения с Литвой, заключил союз с врагом Руси, Крымским ханом Мехмет Гиреем, сосватал его дочь. Опасную интригу, грозившую развалить всю оборону на юге, Василий Иванович пресек, в 1517 г. вызвал в Москву и арестовал Ивана. Но у него и в столице нашлись тайные доброжелатели, он сумел сбежать в Литву. В 1523 г. в тайной переписке с Сигизмундом был уличен Северский удельный князь Василий Шемякин. Ему сбежать не удалось, отправился в тюрьму. За аналогичную вину и попытку побега за границу попал в заключение князь Мстиславский.

Еще один заговор организовали бояре Шуйские и Иван Воротынский. Они тоже решили передаться на сторону Литвы, и в их замыслах участвовал брат государя Юрий Дмитровский. Когда измена раскрылась, Андрей и Иван Михайловичи Шуйские бежали в Дмитров, под его защиту. Великий князь после переговоров с братом добился их выдачи. Воротынского после временной опалы помиловал, а Шуйских определил в темницу. Но Юрий Дмитровский наказания избежал – хотя изменники, конечно же, не случайно искали убежища у него.

Косвенные свидетельства того, что боярская оппозиция поддерживала связи с иностранцами, оставил и упоминавшийся австрийский посол Герберштейн. В своих сочинениях он приводит многочисленные сведения о скрытых интригах при Московском дворе, хотя такие данные были строго конфиденциальными и огласке не предавались. Получить их Герберштейн мог только от бояр, с которыми общался. Приводит он и описание Сибири, куда начали проникать русские экспедиции, дорог в Китай, Среднюю Азию, Персию. А между тем сведения о географических открытиях в XVI в. в любой стране являлись государственной тайной. Информатор Герберштейна в данных вопросах известен – князь Симеон Курбский [29]. Очевидно, он видел в австрийском посланце друга и союзника, надеялся на какие-то ответные услуги, если пошел на столь серьезный риск, открывая ему русские секреты. Эти узлы оппозиции и заговоров тоже получились «написанными на роду» Царя Ивана Васильевича.

Глава 2

Битва за рождение

Казалось бы, много ли нужно для рождения ребенка? Только желание родителей и благословение Свыше. Сколько их появлялось и появляется на свет каждое мгновение! Но особая миссия на земле царя Ивана Васильевича видна даже из того, что для самого его рождения понадобилась жестокая борьба – как политическая, так и духовная. Да, духовная, и она стала частью извечной войны между силами Небесными и враждебными им.

Христианскую Церковь издревле атаковали ереси – гностицизм, арианство, манихейство и др. В Византии и Западной Европе периодически происходили вспышки этих разрушительных лжеучений – павликиане, богумилы, катары, вальденсы, альбигойцы. Причем нередко они увлекали людей лозунгами «оздоровления» церкви, очищения ее от пороков корыстолюбия, призывали к ликвидации церковной собственности. Еретиков преследовали, уничтожали. Однако остатки сект продолжали существовать скрытно, маскируясь под католиков или православных.

Важными центрами, из которых подпитывались ереси, стали иудейские общины средневековых городов. Деньги еврейских купцов и ростовщиков обеспечивали им покровительство монархов и знати, иудейские кварталы получали самоуправление, жили по собственным законам, и городские власти в их дела не вмешивались. Ученые евреи пользовались большим успехом при дворах королей и герцогов, в замках европейских феодалов в качестве специалистов по астрологии, алхимии, каббалистике и другим оккультным дисциплинам. Их воспринимали как хранителей некой древней высшей мудрости, забытой человечеством. На Руси подобное тоже было, но в 1113 г. в Киеве восстал народ, обираемый ростовщиками, и Владимир Мономах изгнал иудеев. Они могли взять все имущество, но возвращаться не имели права. В противном случае они лишались покровительства закона [30]. Впрочем, начавшиеся междоусобицы, татарское нашествие, а потом переход Южной и Западной Руси под власть Литвы порушили закон Мономаха. Евреи получили покровителей в лице литовских князей и панов, вечно нуждавшихся в деньгах, их общины в Киеве, Полоцке, Львове и других городах приобрели большой вес. Но в Северной Руси запрет Мономаха по-прежнему действовал, иудейских кварталов здесь не существовало.

Благоприятные возможности для распространения ересей открылись в XIV в. с ослаблением церковного контроля и началом «эпохи Возрождения». Стоит пояснить, что Западная цивилизация видела своим идеалом Древний Рим. Поэтому в европейской истории внедрилась своеобразная хронология. После падения Рима «Темные века» упадка. Потом «Средние века», а «эпоха Возрождения» подразумевала как раз возрождение блеска Древнего Рима. Духовные устои Западного мира уже были в значительной мере расшатаны, и в общественном сознании произошел поворот: от духовных ценностей к приоритету материальных, от добродетелей аскетизма – к культу жизненных наслаждений, от догматической веры – к построениям человеческого разума и признанию их преобладающими над верой.

Ортодоксальная религия теперь оставлялась в удел «темному» простолюдину. Для верхушки общества понадобились изощренные философские теории, способные оправдывать собственные слабости и отход от установок христианства. Вот тут оказались как нельзя лучше востребованы астрология и другие оккультные «науки». Пригодились и греческие ученые. Византия в «Темные» и «Средние» века сохранила культурные богатства античного мира, там до сих пор действовали философские школы, где изучали Платона, Аристотеля, Гомера и других мыслителей и поэтов древности. Но сами греческие философы стали благодатной почвой

для тех же каббалистических и гностических учений. Начали дополнять христианство собственными мудрствованиями.

Эти ереси грозили захлестнуть пришедшую в упадок Византию, сторону философов приняли ряд епископов, Константинопольский патриарх Иоанн Калека. В очень тяжелой борьбе, на двух церковных Соборах в 1341 и 1347 гг. святые Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Григорий Палама одолели реформаторов, их учение осудили, патриарха низложили [31]. Одни философствующие сектанты подались в Италию – там их высоко ценили, хорошо платили, их лидера Варлаама по ходатайству Петрарки поставили епископом. Другие направлялись в Болгарию, где гнездилась ересь богумилов. Академик Ф.И. Успенский отмечал: «Житие Феодосия Тырновского сохранило несколько фигур таких проповедников, выходцев из Византии. Рассеявшиеся по Афону еретики “весьма обижали монастыри”, они проповедовали против церковной иерерхии, икон, брака, заимствовали у афонских исихастов “откровения Боговидения во сне” и обрезали или “стригли” своих адептов, отсюда богомилство под именем стригольников перекинулось в Россию» [32].

Из обряда обрезания видно, что ересь имела и иудейские корни. Через Литву она проникла в Псков, соблазнив многих православных. Отсюда проповедники Карп Стригольник и Никита диакон отправились в Новгород, хулили Церковь и провозглашали свое учение. Горожане оскорбились, Карпа, Никиту и третьего их спутника утопили в Волхове. Но митрополит всея Руси Пимен растерялся. Расправы с богохульниками запретил. Приказывал лишь не общаться со стригольниками. Но они сами общались с теми, кого считали возможным обработать и втянуть в свои тенета.

Борьбу со стригольниками возглавил архиепископ Дионисий Суздальский. Он снесся с Константинопольским патриархом Нилом, получив от него соответствующие полномочия. Вместе с архиепископом Алексием Новгородским Дионисий принялся вылавливать сектантов. Его поддержал московский государь Дмитрий Донской. Направил в Константинополь, и Дионисия поставили митрополитом. Но на обратном пути в Киеве литовские власти вдруг схватили его и бросили в застенки. Через пару месяцев его не было в живых. Как он умер, сокрылось во мраке тюрьмы. Как и то, под чьим влиянием действовали литовцы. Но кому это стало выгодным, известно. Ересь стригольников продолжала существовать.

Уже 30 лет спустя митрополит Фотий был вынужден возобновить борьбу с ней, в 1416 г. направил в Псков послание против стригольников. Из текста видно, что среди сектантов имелись и священники. Фотий требовал убеждать и наставлять еретиков, а в случае упорства и нераскаянности предавать светским властям для суда и смертной казни. Но даже через 11 лет, в 1427 г., понадобилось второе послание Фотия против стригольников [33]. Хотя теперь митрополит не разрешал предавать их смерти, требовал воздействовать «казнями токмо не смертными, но внешними казнями и заточении». В послании к псковичам в 1429 г. он еще больше смягчил позицию, наставлял увещевать стригольников, «направить их в благоразумие и в познание истины Евангельския».

Но победу принесло не увещевание. Как описывает преподобный Иосиф Волоцкий в трактате «Просветитель», «ересь удалось уничтожить лишь тогда, когда посадники по совету благочестивых князей и святителей и иных именитых христиан велели схватить стригольников и не оставили ни одного, но всех заточили в темницы до самой смерти их». Впрочем, святой Иосиф был не совсем точен. Секту в основном раздавили, но тайные стригольники выявлялись в Новгороде даже в конце XV в. [34].

К каким последствиям вели подобные духовные смуты, наглядно показывает европейская история. В Англии философ из Оксфордского университета Джон Уиклиф требовал отменить церковную иерархию и собственность, отвергал святыни. Возникли секты лоллардов (бормочущих молитвы). Некоторые проповедники, как Джон Болл, развивали учение Уиклифа – если церковная иерархия не нужна, то светская тем более, нужно устанавливать общее равен-

ство, а имущество делить поровну. Эти идеи выплеснулись в кровавом восстании Уота Тайлера. Его подавили, но умеренное крыло лоллардов составили дворяне и купцы. Склонили на свою сторону короля Ричарда II, и он дал большие права парламенту, торжественно пообещал править, руководствуясь законами.

А в 1415 г. казнили чешского последователя Уиклифа Яна Гуса, и Чехия взорвалась восстанием. Хотя и сами чехи разделились. Умеренные чашники требовали создать национальную церковь по православному образцу с богослужениями на родном языке и Причастием «под двумя видами» – Плотью и Кровью Христовой. Радикальные табориты отрицали и церковь, и светскую власть. Во взбаламученную Чехию ринулись и другие еретики, вплоть до гностиков-адамитов, призывавших вернуться к временам Адама, до грехопадения, для «очищения» совершавших богослужения в чем мать родила и предававшихся свальной «безгрешной любви». Друг друга эти течения истребляли поголовно, а Гуситские войны сотрясали Центральную Европу более 20 лет, совершенно опустошив ее.

Новые еретики появлялись и в Византии. Особую известность приобрел философ Плифон, он разрабатывал модели «идеального государства» на основе учения Платона. Царь в его схемах должен был править вместе с советом мудрецов, священники приравнивались к государственным служащим, а монашество вообще упразднялось. Плифон был ярким сторонником унии с католиками, поэтому был в чести у патриарха, его включили в византийскую делегацию на Ферраро-Флорентийском соборе. А там Козимо Медичи, могущественный правитель Флоренции и крупнейший банкир, предложил ему блестящие условия, и Плифон остался у него, основал при его дворе Платоновскую академию [35]. Но изучали в ней не только древнегреческую философию, она стала гнездом оккультных учений. В ней прославился Джованни Пиколелла Мирандола, признанный «крупнейшим итальянским философом» и создавший трактат «900 тезисов по философии, каббалистике и теологии». Даже по меркам «эпохи Возрождения» книга была откровенно еретической, автору грозил суд инквизиции, но под эгидой Медичи тронуть его не посмели [36].

Возвысившаяся на востоке Русская держава, превратившаяся в оплот Православия, очень интересовала еретиков. Внедрение пошло несколькими путями. В 1470 г. боярская верхушка Новгорода во главе с Марфой Борецкой и князем Василием Шуйским изменила Москве и решила передаться под власть литовского короля Казимира. Измена предполагалась и духовная, были установлены связи с униатским Киевским митрополитом Григорием. А Казимир прислал в Новгород киевского князя Михаила Олельковича. В его свите, как писал позже святой Иосиф Волоцкий, приехал «жидовин именем Схария, и сей бяше диаволов сосуд, и изучен всякого злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологии, живой в граде Киеве, знаемый тогда сущий князю, нарицаемому Михаилу» [37].

Новгород был выбран, конечно же, не случайно. Оппозиционные настроения, постоянные торговые связи с Европой создавали для еретиков подходящую почву, здесь еще сохранялись и последователи секты стригольников. А Схария умел заинтересовать собеседников. Внушал, что каббалисты обладают древней мудростью, имеют даже некую книгу, полученную Адамом от Бога, знают тайны природы, могут объяснять сны, предсказывать будущее, повелевать духами [38]. После пробных бесед Схария вызвал из Литвы еще 3–5 вербовщиков [39]. Каббалисты особо нацелились на священников, обработали двоих, Алексия и Дионисия. Алексий вообще увлекся, назвал себя Авраамом, а жену Саррой, хотел совершить обрезание. Но наставники объяснили, что этим можно выдать себя. Учили действовать строго конспиративно, изображая православных.

Возникла ересь жидовствующих. Они отрицали Святую Троицу, учили, что Мессия еще не явился в мир, хулили Святого Духа и Деву Марию. Отвергали поклонение иконам, монашество, таинства, церковную организацию, посты. Посвящение в «мудрость» включало в себя ритуал поругания святыни – Св. Причастие или иконы топтали ногами, бросали в отхожее

место [40]. Схария с товарищами, видимо, уехали обратно в Литву с князем Михаилом Олельковичем или покинули Новгород летом 1471 г., когда на него двинулась армия Ивана Великого. Но тайная секта осталась.

Схария не был «первой ласточкой» еретиков на Руси. Еще в 1460-е гг., при митрополите Феодосии, в Москву приехал из-за границы некий иудей, тоже очень ученый. Попросил, чтобы его окрестили, и получил имя Феодора. Своими познаниями он произвел на митрополита огромное впечатление. Даже убедил его, что славянский перевод Псалтири неточен. Ему поручили новый перевод с еврейского. Эта работа была впоследствии обнаружена в собрании Кирилло-Белозерского монастыря (Рукопись Кирилло-Белозерского сонастыря № 6/1083). Но она представляет собой перевод не Псалтири, а молитвенной книги «Махазор». Русский исследователь М.Н. Сперанский, изучавший ее, отметил, что «ни в одном псалме нет пророчеств о Христе», и пришел к выводу: «Феодор-жид, фанатически преданный иудейству, перевел вовсе не Псалтирь Давида, а молитвы иудейские, употребляемые при богослужении, в которых ярко просвечивает иудейская оппозиция учению о Троичности лиц Божества» [41].

Дальнейшему распространению ереси невольно поспособствовал сам Иван Великий. В 1480 г., приехав в Новгород, он обратил внимание на Алексея и Дионисия, вроде бы ученых и благочестивых священников, и забрал с собой в Москву. Первого определил протоиереем Успенского собора, второго – Архангельского. О причинах мы можем судить лишь предположительно. В этой поездке государь расследовал заговор с участием Новгородского архиепископа Феофила. Возможно, Алексей и Дионисий представили ему некие улики. Кроме того, великий князь в это время конфликтовал с митрополитом Геронтием и выдвинуть новгородских священников на столь высокие посты мог в пику ему. И все-таки назначение новых знакомых, даже пусть и понравившихся Ивану Великому, настоятелями двух главных соборов Кремля никак не могло обойтись без мощной протекции. В окружении Ивана Васильевича уже были сектанты.

Обращает на себя внимание фигура видного дипломата дьяка Федора Курицына. Он высился в 1482 г., побывав в Молдавии и сосватав невесту для наследника престола Ивана Молодого – Елену Волошанку, дочь господаря Стефана Великого. Но столь ответственное поручение показывает, что он уже пользовался огромным доверием великого князя. А после свадьбы Ивана Молодого и Елены, рождения у них ребенка – внука Ивана Великого, Курицын приобрел колоссальный авторитет, фактически возглавил внешнеполитическое ведомство. Дошедшие до нас документы связывают его обращение в ересь с миссией в Венгрию в 1485 г. Новгородский архиепископ Геннадий писал, что «Курицын начальник тем всем злодеем», и с ним приехал сектант «из Угорской земли угрянин, Мартынком зовут» [42]. А вовлечение в секту Елены Волошанки сам великий князь связывал с ее пребыванием в Москве и влиянием ее духовника, говорил Иосифу Волоцкому: «А Иван, деи, Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел» [43].

Но современникам было известно не все. Факты позволяют предположить иную картину. Ведь господарь Молдавии Стефан Великий был женат на сестре киевского князя Михаила Олельковича, друга Схарии. Очень вероятно, что и сам Схария поработал при молдавском дворе. Особенно если учесть, что его покровитель Михаил Олелькович вскоре после поездки в Новгород взбунтовался против короля и был казнен. Для Схарии и других приближенных было бы вполне логично найти пристанище у его родственников. Но при дворе Стефана Великого хватало и других еретиков. А.А. Зимин отмечал: «В бытность Ф.В. Курицына в Молдавии и Венгрии (1482–1494 гг.) там протекала деятельность так называемых чешских братьев. Общение с гуситами могло как-то повлиять на формирование взглядов просвещенного посольского дьяка» [44]. А у венгерского короля Матиаса Корвина в это же время угнездилась целая колония итальянских «философов» [45]. Похоже, что операция по поиску невесты для наследника

престола носила целенаправленный характер. Для Ивана Молодого специально подобрали и привезли еретичку.

Секта жидовствующих обладала немаловажной особенностью. Она не гналась за массовостью, не афишировала широко своих взглядов. Она распространялась «по верхам». В секту вовлекались духовенство, знать. На основании разных источников Ю.К. Бегунов собрал список 33 членов новгородской секты – из них 2 протоиерея, 11 священников, 3 их родственника, 10 представителей низшего духовенства, 1 монах, 1 боярин, 1 подьячий и 4 «простых людей» [46]. В московскую секту, кроме Елены Волошанки и Федора Курицына, вошел его брат Иван Волк Курицын, бояре Патрикеевы – богатейшие землевладельцы Руси. Глава их рода Иван Патрикеев приходился двоюродным братом самому государю, командовал армиями, в отсутствие Ивана Великого оставался его наместником в Москве.

В 1487 г. в Новгороде несколько пьяных сектантов повздорили, об их высказываниях сообщили архиепископу Геннадию. Он арестовал троих, допросил и убедился, что имеет дело с некой новой ересью. Отослал их в Москву, но там дело замяли. Еретиков били кнутом и отправили назад. Однако Геннадий узнал от сектанта Самсонки о столичной организации Курицына. Дабавились показания священника Наума, соблазненного еретиками, но раскаявшегося и вернувшегося в Православие [47]. Архиепископ снова обращался к начальству, но митрополит Геронтий умер, и тревожные донесения затирались могущественными сектантами. Новгородские еретики, чувствуя такое покровительство, нагнали. Публично глумились над иконами, отказывались от Причастия. Один из разоблаченных еретиков, Захарий, сбежал в Москву и распускал клевету на самого архиепископа Геннадия.

А тайная организация взялась за серьезные политические планы. Иван Великий позволял себе некоторое вольномыслие, любил общаться с иностранцами, интересовался их учениями. Тем не менее, устои Православия оставались для него незыблемыми, и жидовствующие даже не пытались охомутать его. Его наследник Иван Молодой, главный помощник отца, тоже был твердым в вере. Но его женили на Елене Волошанке, у них рос сын Дмитрий. У государя были сыновья и от второй жены, Софьи Палеолог, старшим из них был Василий.

С русским посольством, вернувшимся из Италии, приехал лекарь, «жидовин магистр Леон из Венеции». Он указал, что Иван Молодой страдает «камчугой в ногах». Вероятно, ломотой, застудился в походах. Леон убедил государя, что исцелит сына, даже предложил, «а не излечу аз, и ты vele меня казнити». Великий князь поверил, велел сыну подлечиться. Леон давал ему «зелье пити», ставил банки [48]. Болезнь была отнюдь не смертельной, но лечение оказалось смертельным, 7 марта 1490 г. 32-летний Иван Иванович отошел в мир иной. Государь казнил магистра, который сам ставил такое условие. Но факты говорят, что он был лишь пешкой в чужой игре. Очень вовремя появился и навязал услуги. А в его микстуры добавили иное зелье...

И.Я. Фроянов пришел к выводу: «Выход нашли в устранении Ивана Молодого, причем таким образом, чтобы тень подозрения пала на Софью и ее сторонников. Расчет, очевидно, состоял в том, чтобы, используя влияние Федора Курицына на Ивана III, ослабить положение Софьи и Василия, а позиции Елены и Дмитрия усилить. Расчет оказался правильным. Историки наблюдают, как на протяжении 90-х годов происходит постепенное возвышение Дмитрия» [49] – воспитываемого в окружении матери-еретички.

И тогда же, в 1490 г., сектанты протащили на митрополичий престол своего тайного сторонника, архимандрита Симонова монастыря Зосиму. Поспособствовал Алексей-Авраам. Он тяжело заболел и на смертном ложе убедил великого князя, что это лучшая кандидатура [50]. Зосима первым делом попытался замять новгородское расследование о ереси. Выразил недоверие владыке Геннадию, потребовал от него повторного «исповедания». Однако Новгородский архиепископ давлению не поддавался. Стал бить тревогу, подключил архиепископа Тихона Ростовского, епископов Суздальского, Тверского, Пермского, Рязанского, Сарского, и осенью

1490 г. по настоянию архиереев Зосиме пришлось созвать Освященный Собор против еретиков.

Но митрополит и высокопоставленные сектанты резко сузили его повестку. Вместо осуждения ереси в целом свели дело к суду над 9 обвиняемыми – теми, кто фигурировал в расследовании Геннадия. Видимо, их не получалось укрыть. Многие участники Собора требовали для них смертной казни, но и это Зосима смягчил. Да и великого князя советники убедили, что вина не настолько серьезна. Ограничились их отлучением от Церкви. Недавнего настоятеля Архангельского собора Дионисия отправили в заточение в Галич. Других вернули для наказания в Новгород, и владыка Геннадий предал их гражданской казни, позаимствовав некоторые элементы испанских аутодафе. Еретиков посадили на лошадей задом наперед, в вывороченной наизнанку одежде, на головы надели остроконечные колпаки из бересты с надписью «се есть сатанино воинство». Провезли по улицам, сожгли колпаки у них на головах и разослали по темницам [51].

В показаниях уже прозвучало имя дьяка Курицына, московская секта, но их Собор вообще обошел стороной. А Зосима после этого начал настоящую войну против православных священнослужителей, под разными предлогами снимал их с постов, заменяя жидовствующими. Запрещал их преследования, поучал: «Не должно злобиться на еретиков, пастыри духовные да проповедуют только мир». Но Зосима занесся и отбросил всякую осторожность. Его палаты стали клубом, где собирались и пировали сектанты, митрополит прилюдно отрицал Царствие Небесное, Второе пришествие Спасителя, воскресение мертвых [52].

Против Зосимы горячо выступил Иосиф Волоцкий. Он обращался к епископам, к великому князю. Писал: «В великой Церкви Пресвятой Богородицы, сияющей, как второе солнце посреди всея Русской земли, на том святом престоле, где сидели святители и чудотворцы Петр и Алексий... ныне сидит скверный и злобный волк, одетый в одежду пастыря, саном святитель, а по воле своей Иуда и предатель, причастник бесам» [53]. В 1494 г. обнаглевшего отступника все-таки свели с митрополичьего престола. Но государь опять ограничился полумерами. Народу объявляли, будто Зосима добровольно ушел в монастырь, а в официальных документах указывали, что его сняли за пьянство и нерадение о Церкви. И высокие покровители не оставили его. В Троице-Сергиевом монастыре он жил совсем не плохо, даже ходил на службы, «демонстративно нарядившись с полное святительское облачение» [54].

В интригах и подковерной борьбе митрополитом избрали Троицкого архимандрита Симона. Он не был еретиком. Но и избегал конфликтов с сильными мира сего, сектантов это до поры до времени устраивало. В 1497 г. они нанесли новый удар. Государю донесли, будто его сын Василий со своей матерью Софьей готовят заговор. Причиной представлялся страх, что престол достанется не Василию, а внуку по старшей линии, Дмитрию. Сообщалось, что сын хочет бежать в Вологду и на Белоозеро, захватить хранившуюся там государеву казну, а с Дмитрием расправиться. Вообще, известие было запутанное и противоречивое. Неужели Василий, сидя с казней в Вологде и Белоозере, сумел бы что-то предпринять против отца? Получалось – переворот замышляется после его смерти. Но если устранить Дмитрия, зачем было бежать?

Однако обвинителями выступили Иван Патрикеев с сыновьями, зятем Семеном Ряполовским и еще несколькими боярами. Им государь и поручил расследование. Патрикеевы взяли за дело и подтвердили: заговор существует, жена великого князя Софья приглашала к себе каких-то «баб с зелием». То есть замышлялось колдовство или отравление. Выявили соучастников – Афанасия Яропкина, Поярко Рунова, дьяка Федора Стромилова, Владимира Гусева, князя Ивана Палецкого, Щевия Скрыбина, а с ними целый отряд детей боярских. Под пытками некоторые не выдерживали, признавались во всем, о чем их спрашивали. Великому князю докладывали: доказательства налицо. 27 декабря 1497 г. на льду Москвы-реки казнили шестерых: Яропкина и Рунова четвертовали, Стромилова, Гусева, Палецкого и Скрыбина обезгла-

вили. Знахарок, лечивших Софью, утопили ночью в проруби. Прочих уличенных детей боярских «в тюрьму пометали».

И все-таки Иван Васильевич сомневался насчет жены и сына. Неужели он настолько плохо знал ближних? Что-то не сходилось, совесть была не спокойна. Он знал, какие клубки интриг завязываются при дворе. Организовать заговор и соблазнить Василия с Софьей могло их окружение, чтобы самим возвыситься. Во всяком случае, глава семьи обошелся с ними довольно мягко. Василия взял под домашний арест, «за приставы на его же дворе». Софью оставил в ее покоях, только не желал с ней видиться. Но эти события подтолкнули к выбору наследника. Иван Васильевич объявил своим преемником Дмитрия. Возможно, Курицын и Патрикеевы даже подсказали государю впервые устроить торжественную коронацию.

В феврале 1498 г. в Успенском соборе Иван Великий провозгласил внука соправителем, великим князем «при себе и после себя». Своими руками возложил на него шапку Мономаха, наставлял его: «Люби правду и милость, и суд праведен» [55]. Но пожелание правды и суда праведного оказалось для внука и его сторонников роковым. Мы не знаем, как и через кого государю открылась правда, но не прошло и года, как он понял: весь заговор Василия – клевета! Иван Васильевич страшно разгневался. Его нагло обманули, обрекли на казнь невиновных! Клеветникам, по русским законам, полагалось такое же наказание, под которое они подводили свои жертвы. Патрикеевых и Ряполовского великий князь приговорил к смерти. Но с ходатайствами за столь знатных особ выступили митрополит, архиепископ Ростовский. А рядом с государем оставались еретики во главе с Курицыным, тоже склоняли его смягчить наказание – все-таки двоюродный брат и племянники!

Иван Великий поддался. 5 января 1499 г. на Москве-реке, на том же месте, где казнили мнимых заговорщиков, отрубили голову одному лишь Ряполовскому. Патрикеевым в последний момент объявили помилование. Главу их клана и старшего сына, Василия Косого, постригли в монахи. Одного отправили в Троице-Сергиев монастырь, второго в Кирилло-Белозерский. Младший сын, Иван Патрикеев, бояре Василий Ромодановский и Андрей Коробов были заключены в тюрьму. Хотя о заговоре сектантов государь еще не подозревал. Он воспринял интригу как чисто придворную – партия Елены Волошанки подвела мину под конкурентов. Поэтому положение просто поменялось на обратное. Иван Васильевич примирился с женой, освободил сына Василия, пожаловал ему титул великого князя. А Елену и внука отдалил, в дипломатических документах Дмитрия стали упоминать на шестом месте, после великого князя и его сыновей от Софьи.

Опала Волошанки и Патрикеевых серьезно подорвала позиции еретиков. Около 1500 г. из документов исчезло и имя Федора Курицына. Вероятно, он умер. Но их сообщники продолжали подспудную деятельность и следующую атаку нацелили на Церковь. Нет, нападать на основы Православия они не рисковали. Они выискивали реальные недостатки в тех или иных монастырях и храмах, подтасовывая их в общую неприглядную картину и доказывая необходимость кардинальных реформ. И главная из них – предлагалось конфисковать церковные земли, слить их с казенными, а митрополита, епископов, монастыри перевести на жалованье, как государственных служащих.

Причем Ивану Васильевичу такие идеи казались заманчивыми. Он и сам посматривал на церковные владения, со временем разраставшиеся от пожалований, вкладов состоятельных лиц. Секуляризация значительно обогатила бы казну, позволила бы увеличить армию, наделяя поместьями дополнительные контингенты служилой конницы. Хотя провокация была задумана грамотно. Конфискация вызовет смуту и расколы, а великий князь поссорится с духовенством и будет искать опору в еретиках...

Но ревностную борьбу с жидовствующими продолжал Иосиф Волоцкий. Он написал трактат «Сказание о новоявившейся ереси» или «Просветитель», разоблачив учение сектантов, доказав всю его опасность. Привлек в поддержку авторитетных архиереев. У него нашлись

заступники и при дворе – государыня Софья, наследник престола Василий. Через них Иосиф получил доступ к великому князю. Убеждал его выискивать и казнить еретиков, не принимая от них покаяния (поскольку мораль жидовствующих допускала ложь) [56]. На это Иван Великий не соглашался. Иногда, выведенный из терпения, даже перебивал преподобного Иосифа, приказывал ему умолкнуть. Он все еще полагал, что в мудрствованиях нет ничего страшного и за заблуждения лишать людей жизни нельзя. А некоторые мысли еретиков, вроде секуляризации церковной собственности, ему нравились.

Но ему открывались все новые факты и постепенно складывались в картину заговора, проникшего в самую верхушку власти. 11 апреля 1502 г. государь велел взять «за приставы» (т. е. под стражу, арестовать) Елену Волошанку и внука Дмитрия. Запретил поминать их в церковных службах – как еретиков. Через 3 дня его сын Василий Иванович был официально провозглашен соправителем отца, возведен на Великое княжение Владимирское и Московское.

Через год последовал ответный удар. 7 апреля 1503 г. внезапно умерла жена государя. Причина смерти была установлена уже в XX в. Химический анализ выявил, что содержание мышьяка в останках Софьи Палеолог вчетверо превышает максимально допустимый уровень [57]. А факты показывают, что Иван Васильевич и его сын тоже догадывались об отравлении и даже о том, кто мог стоять за ним. Потому что сразу после этого возобновилось дело жидовствующих. Василий склонил отца прислушаться к Иосифу Волоцкому. Государь просил у него прощения, что раньше не верил ему, обещал выловить всех еретиков.

Летом 1503 г. в Москве открылся Освященный собор. Он рассмотрел проблемы оздоровления церковной жизни, те самые, которые поднимали еретики. Их урегулировали без всяких реформ, вопрос о конфискации церковных земель был снят. Но и обещания преподобному Иосифу об искоренении еретиков великий князь не выполнил. При дворе у них оставались влиятельные сторонники, продолжали мутить воду. Однако в июле того же года у государя случился удар, отнялись рука, нога, отказал один глаз. Это во многом изменило его настроения. А Иосиф Волоцкий обратился к духовнику великого князя Митрофану. Напомнил, что за ним остается неисполненный долг, обещание покарать сектантов. Иван Васильевич согласился.

В декабре 1504 г. состоялся еще один Собор. Только сейчас осуждение ереси довели до конца, руководителей секты приговорили к смерти. Дьяк Иван Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и духовник Елены Волошанки Иван Максимов были сожжены в срубе. Некраса Рукавова, архимандрита Кассиана с братом и еще нескольких сектантов казнили в Новгороде. Остальных осужденных разослали по тюрьмам и монастырям. И тогда же, в январе 1505 г., в темнице умерла Елена Волошанка. Летопись отмечает: «Преставися Великая Княгиня Елена Волошанка Ивана Ивановича ноужною смертию в заточении» [58]. «Ноужною» – то есть насильственной. Ее тоже казнили, но тайно. Семейный «сор из избы» Иван Васильевич не выносил, Елену похоронили в усыпальнице великих княгинь, Вознесенском монастыре Кремля. Там же, где отравленную Софью, но в другой части собора, не в восточной, а в северной [59].

Выполнив этот тяжкий, но необходимый долг, государь всея Руси Иван Васильевич умер 27 октября 1505 г. На престол взошел Василий Иванович. Своего племянника Дмитрия он содержал хорошо, тот и в заключении мог распоряжаться своими обширными владениями, имел штат прислуги и собственных чиновников [60]. Но на свободу его не выпустили, и в 1509 г. он скончался. Так завершился первый этап битвы за рождение грядущего Царя. Ведь если бы исход схватки был иным, то в темнице сгинул бы отец Ивана Грозного. На троне оказался бы еретик, и Россией принялись бы рулить темные оккультные силы...

Глава 3

Отец

Василий Иванович четко осознавал проблемы своей державы и говорил, что у русского народа три врага: басурманство, латинство и свои же «сильные» [61]. Все его правление как раз и связалось с борьбой в этом треугольнике. Две войны с Литвой, и обе Василий Иванович выиграл. Но оба раза пришлось заключать компромиссные перемирия, потому что «латинство» подстрекало «басурманство», на Россию обрушивались крымцы и казанцы. Их набеги обычно удавалось отражать, хотя иногда, как в 1521 г., они оборачивались колоссальным бедствием. Казань наказывали военными походами, разоряли ее земли. Часть казанцев стала склоняться к убеждению, что с русскими лучше не воевать. После очередной отстратки они устраивали перевороты, сажали на престол ханов, согласных заключить мир и подтвердить зависимость от великого князя. Но потом «дружественные» ханы изменяли или местная верхушка меняла самих ханов.

Ну а «свои сильные» напоминали о себе постоянно. В данном отношении сталкивались между собой не просто разные взгляды, а разные психологии. Государева, направленная на усиление всей державы, а значит, и защиту всех подданных – и узкая, феодальная, силящаяся отстоять личные выгоды в противовес общим. Аристократы если и не предавали, то своевольничали. Службу несли спустя рукава. В 1521 г. брат великого князя Андрей Старицкий с князем Дмитрием Бельским должны были остановить крымцев на Оке. Но при натиске татар первыми обратились в бегство – именно это послужило причиной осады Москвы, разорения центральных областей. Иван Бельский в 1524 г. провалил поход на Казань. Но высокое положение позволяло таким начальникам избежать наказания.

Сама Россия переросла прежние удельные рамки, но оставалась еще рыхлой, неоформившейся. Система управления складывалась при собирании державы. Присоединяя очередную область, великий князь не подчинял ее Москве, а сам становился ее властителем – государем Новгорода, великим князем Тверским, Смоленским и т. п. Вместо себя в эти города он назначал наместников – заместителей. А сельская местность делилась на волости и станы, туда наместники посылали своих чиновников – волостелей. Наместники и волостели обеспечивали порядок во вверенной им административной единице, сбор податей, осуществляли суд. За это в их пользу шли некоторые статьи местного дохода, судебные пошлины. Такие назначения считались выгодными, назывались «кормлениями». Но полномочия наместников были временными, через 2–3 года их меняли, и они были обязаны отчитаться о своей работе.

А постоянных структур управления в России было всего всего две – государев двор и Боярская дума. Она сложилась исторически – совет при государе для решения важных вопросов. Хотя сам термин «боярство» в XV–XVI вв. стал неоднозначным. С одной стороны, это было аристократическое сословие Руси. Но в состав Боярской думы входила далеко не вся знать, а только те, кого государь пожаловал в окольничие или в бояре. Это были чины, а не титулы, по наследству они не передавались. Однако представители самых знатных семей попадали в Думу и по своему происхождению, поскольку роду на Руси придавалось первостепенное значение.

Двор в узком смысле представлял собой личное хозяйство и персональное войско великого князя. Но ведь и вся Русь была его большим хозяйством. И те же лица, которые входили в состав государева двора, составляли аппарат его власти. Придворные должности – постельничий, оружничий, казначей, кравчий, ловчие, ясельничие и др. – превратились в иерархическую лестницу чинов. Если постельничий ведал государевой спальней, а кравчий на пирах выступал виночерпием, то этим их обязанности не ограничивались. Такие чины знаменовали степень

доверия государя, их обладатели получали важные назначения по военной или административной части. Самым высшим считался чин конюшего. Он заведовал государевыми конюшнями, но при этом инспектировал всю конницу, занимался закупками лошадей для армии. Важным был и пост дворецкого. Это был начальник канцелярии великого князя, глава администрации.

Важное место при дворе занимали и дьяки, профессиональные чиновники незнатного происхождения. Они служили секретарями, делопроизводителями, были специалистами в области дипломатии, финансов. А воинским сословием на Руси были дети боярские. С боярами они ни в каком родстве не состояли. Просто в прежние времена основой русской армии были дружины бояр. Рядовых дружинников называли «отроками» – или «детьми». Ликвидируя удельные княжества, а вместе с ними и удельное боярство, Иван Великий перевел бывших дружинников на собственную службу, обеспечил им коней, оружие за казенный счет. Создал из них многочисленную конницу.

Основой боярских хозяйств были вотчины – наследственные земли. А дети боярские стали получать земельное жалованье от великого князя. Но не вотчины, а поместья. В качестве оплаты за службу. Каждые 2–3 года они приезжали на смотр, и им переверстывали земельные оклады. По призыву государя они обязаны были явиться сами, привести с собой вооруженных слуг, в военных походах им платили денежное жалованье. Лучших из детей боярских великий князь приближал, давал им назначения при дворе, и для них появилось еще одно обозначение – «дворяне».

Василий Иванович пробовал на них опереться в противовес боярам. Одним из его ближайших помощников стал незнатный Шигона-Поджогин. Государь назначил его дворецким и даже ввел в Боярскую думу, но для этого пришлось учредить новый чин – думного дворянина. Потому что пожаловать Шигону в бояре из-за его происхождения было невозможно. А простые люди искренне любили Василия Ивановича, он даже обходился без личной охраны, считал это лишним. Хотя он мог быть и строгим. Например, псковичи завалили его жалобами на великокняжеского наместника. Но Василий Иванович разобрался и пришел к выводу, что обвинения ложные и инспирирует их городская верхушка, недовольная московским контролем. Клеветников он арестовал, а вместо восстановления былой самостоятельности окончательно ликвидировал ее. Потребовал от Пскова упразднить вече, снять вечевой колокол и признать полную власть великого князя.

Но ведь и это касалось «сильных». Простонародье только страдало от вечевых «свобод». А вот в Новгороде ситуация казалась похожей, поступали жалобы на несправедливый суд наместника. Но великий князь счел их оправданными и ввел здесь новую систему. Велел избирать 48 целовальников (тех, кто целовал крест, давая присягу). Они должны были по очереди осуществлять суд вместе с наместником и его тиунами. Как видим, Василий Иванович к каждому вопросу подходил внимательно и объективно. Если кто-то был недоволен действиями его администрации, решениями его судей, то мог апеллировать к самому Государю. Он был верховным судьей и, когда находился в Москве, лично «судил и рядил» каждый день до обеда [63]. Очевидно, судил справедливо, если заслужил такую любовь подданных.

Он считал своим долгом поддерживать общественный порядок, ограждать народ от нездоровых соблазнов. Еще его отец запретил на Руси пьянство – возможно, в последние годы жизни, по инициативе сына. При Василии Ивановиче употреблять хмельное дозволялось только по большим праздникам под страхом серьезного наказания [64]. Правда, пришлось сделать исключение. К этому времени на русской службе появилась постоянная воинская часть из иностранцев, ее поселили в особой слободе в Замоскворечье. Но европейские солдаты без спиртного жить не могли, и им дозволили гнать вино. Поэтому немецкую слободу люди красноречиво прозвали «Налейки».

А в противостоянии с Казанью Василий Иванович нашел очень выгодный ход. Главным источником доходов казанских ханов была транзитная торговля через их владения со странами

Азии. Но каждая война начиналась резней русских купцов, приехавших на казанские рынки. Государь запретил своим подданным ездить туда с товарами. Вместо этого учредил Макарьевские ярмарки – возле монастыря преподобного Макария Унженского под Нижним Новгородом. Тем самым вынудил восточных купцов везти свои товары в нашу страну. Но и золотой ручей пошлин потек уже не в ханскую, а в великокняжескую казну.

Православие Василий Иванович отстаивал жестко. Жидовствующие через некоторое время после разгрома снова активизировались. В 1511–1512 гг. Иосиф Вролоцкий указал государю на эту опасность: «Ради Бога и Пречистой Богородицы, попекись и промысли о Божественных церквах и православной вере... Как прежде, Боговенчанный владыко, ты поревновал благочестивому царю Константину и вместе с отцом своим до конца низложил скверных новгородских еретиков и отступников, так и теперь, если ты, Государь, не позаботишься и не подвигнешься, чтобы подавить их темное еретическое учение, то придется погибнуть от него всему православному христианству». Предупреждал великого князя, «чтобы лестному покаянию их не верил, велел бы их держати неисходны ис темницы, чтобы иных людей не прельстили». Василий Иванович согласился с ним, «повелел всех еретиков побросать в темницу и держать там неисходно до конца их жизни» [65].

Но в это время в Москве уже появился «старец» Вассиан Косой. Это был не кто иной, как князь Василий Патрикеев, входивший в ближайшее окружение Елены Волошанки, участник того самого заговора, когда были оклеветаны Софья Палеолог и ее сын. Напомним, что Патрикееву вместе с отцом смертную казнь заменили на пострижение, в 1499 г. он стал Вассианом, иноком Кирилло-Белозерского монастыря. Эта обитель была большой, богатой, и пребывание там не было тяжелым. Но в 15 верстах от монастыря основал новую пустынь в лесах очень известный в то время подвижник Нил Сорский. Он проповедовал нестяжательство, его община не владела деревнями, жила в скитах, собственным трудом.

Через какое-то время Патрикеев тоже решил уйти в скит недалеко от Ниловой пустыни. Был он там совсем не долго. В 1508 г. преподобный Нил Сорский преставился, и сразу же после этого в 1508–1509 гг. Вассиан перевелся в Москву, в весьма привилегированный Симонов монастырь [66]. У исследователей это давно вызывает вопросы. Вассиан был не простым монахом, а политическим ссыльным. И в опалу угодил за заговор против нынешнего великого князя Василия Ивановича. Правда, миновало 10 лет, но без согласия государя вернуть его в столицу было никак нельзя. Обращает на себя внимание и Симонов монастырь. Тот самый, которым когда-то руководил жидовствующий Зосима. Очевидно, он успел внедрить ересь в своей обители.

Известно, что возвращению Вассиана в Москву поспособствовал настоятель Симонова монастыря Варлаам [67]. Но кто-то еще должен был находиться в ближайшем окружении Василия Ивановича, походатайствовать, что 10 лет монашеской жизни совершенно изменили его бывшего врага. Выдающийся историк Игорь Яковлевич Фроянов, детально проанализировав свидетельства, пришел к выводу – в перемещениях Вассиана просматриваются признаки спланированной операции: «По-видимому, эти “благородные” или “вельможи”, не расставшиеся в душе с “ересью жидовствующих”, и вытащили Вассиана из заволжской глуши в Москву, сумев убедить великого князя в необходимости возвращения князя-инока» [68].

Но его не просто выручали, ему предназначили важнейшую роль. В Москве он приобрел вдруг репутацию «старца», начал выступать в качестве «ученика» и «преемника» преподобного Нила Сорского! Мало того, он очутился при дворе государя (который приходился ему троюродным братом), втерся к нему в доверие и стал одним из ближайших советников. Василий Иванович сам говорил, что Вассиан «подпор державе моей», что он «любви нелицемерной наставник ми есть» [69].

А когда подбирали кандидатуру очередного митрополита, «старец» помог провести на этот пост своего покровителя Варлаама из Симонова монастыря. Стал и защитником еретиков.

Именно с его появлением при дворе источники связывают новый всплеск их активности: «Тако же новгородские еретики начя каятися лестно, а не истинно. И старец князь Вассиан поверил им и учал за них печаловатися великому князю». Правда, в этот раз, в 1512 г., еще переборол Иосиф Волоцкий, «и князь великий Иосифа послуша» [70].

Но уцелевшие еретики перекрасились в «нестяжателей», или, как они себя называли, «заволжских старцев». А Вассиан в тесной дружбе с новым митрополитом Варлаамом повел атаку на преподобного Иосифа. Источники сообщают, что в митрополичьих палатах «старец» сиживал, как у себя дома. Без всякого стеснения поносил «иосифлян», обзывал их «отступниками Божиими». Государю внушал, что карать сектантов нельзя, «обращающихся и приходящих на покаяние, волею или неволею, принимать подобает». Иосифа Волоцкого он обвинял в нарушении Божьих заповедей. Вливая клевету, сумел настроить против него государя. Дошло до того, что Василий Иванович запретил преподобному отвечать на нападки «старца»! [71]

А в 1515 г. Иосиф Волоцкий преставился, и Вассиан вообще перестал стесняться. Он породил легенду о вражде между преподобными Нилом Сорским и Иосифом Волоцким. Громил позицию «иосифлян», якобы защищавших богатства монастырей и требующих уничтожать еретиков, противопоставляя им позицию преподобного Нила – против церковной собственности и против казней. Лжи здесь предостаточно. Иосиф Волоцкий никогда не выступал за обогащение монастырей – но земельные владения помогали монахам вести просветительскую работу, лечить больных, помогать бедным и сиротам, кормить голодающих во время неурожая (что и делал святой Иосиф в своей обители).

А Нил Сорский хотя и основал пустошь, где монахи жили своим трудом, но никогда не требовал отказаться от церковной собственности. Он не был и защитником еретиков. Когда открылась ересь жидовствующих и Новгородский владыка Геннадий обратился к авторитетным церковным деятелям за поддержкой, среди них был Нил Сорский. Он участвовал в расследовании и проклял ересь. И с Иосифом Волоцким он никогда не ссорился! В настоящее время однозначно доказано, что преподобный Иосиф в своем «Просветителе» использовал работы святого Нила. А Нил Сорский, в свою очередь, очень уважал его, держал в обители многие его труды, а «Просветитель» ценил настолько высоко, что собственноручно переписал половину книги! Но Вассиан даже расписал, будто Иосиф Волоцкий на Соборе 1504 г., осудившем ересь, одновременно напал на преподобного Нила и самого Вассиана! Чего никогда не было и не могло быть, в то время «старец» был еще опальным монахом и на Соборе не присутствовал [72].

В Церкви Вассиан развил очень бурную деятельность. Заявлял, что в святых правилах есть противоречия с Евангелием и Апостолом. Сообщник-митрополит Варлаам поручил ему отработку новой Кормчей книги. Доктор исторических наук И.Я. Фроянов отметил много общего между Кормчей Вассиана Косого и Кормчей, составленной еретиком Иваном Волком Курицыным, делая вывод: «Относительно мировоззрения Вассиана Патрикеева заметим, что оно являлось смягченным и, так сказать, укороченным (что зависело от конкретных условий времени 1510–1520-х гг.) вариантом “ереси жидовствующих”» [73]. Или, уточним, более скрытым вариантом.

Несомненный талант публициста Вассиан нацелил на расшатывание Церкви. Монашество он вообще ненавидел. Бичевал его пороки – праздность, обжорство, пьянство. Хотя для подавляющего большинства русских монахов, получавших весьма скудное монастырское содержание, это было совершенно чуждо. В отличие от самого Вассиана. Зиновий Отенский, тоже монах, не без оснований обличал его: «Когда жил Вассиан в Симоновом монастыре, то не изволил он есть симоновского брашна, хлеба ржаного и варенья из капусты и свеклы. Млека промозглого и пива чистительного желудку монастырского не пил. Ел же мних Васиан брашно, приносимое от трапезы Великого Князя – хлеба пленичные и чистые и крупичатые и прочие сладкие брашна. А пил сей нестяжатель романею, бастр, мушкатель, рейнское белое вино» [74].

И с особенной яростью он обрушивался на церковное землевладение, подталкивая Василия Ивановича к секуляризации. Впрочем, вопрос это был очень неоднозначный. Митрополичьи, владычные, монастырские земли действительно имели тенденцию разрастаться. Часто бояре жертвовали села и деревни, чтобы монахи молились о душе вкладчика или его близких. Завещали свои владения хозяева, не имеющие наследников. В результате к XVI в. Церкви и монастырям принадлежало около трети обрабатываемых земель! Все труднее было наделять поместьями детей боярских, снижался приток податей в казну. Но Василий Иванович, взвешивая «за» и «против», все-таки не поддавался на уговоры отобрать землю.

Хотя «старец» при нем вошел в огромную силу. Переводчик богослужебных книг Максим Медоварцев характеризовал его: «Он был великий временной человек у великого князя ближний» [75]. Преследования еретиков под его влиянием совсем свернулись. Но объяснять это гуманизмом Вассиана нет никаких оснований. Из Заволжья священник Серапион встревоженно написал государю, что среди местных сторонников Вассиана гнездится ересь. Но «старец» добился, чтобы священника представили ему на допрос: «И поп сказал так, как в грамоте писано. И старец Васьян князь просил попа на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и поп и умер» [76].

Однако духовенство озаботилось опасными тенденциями. Архиереи организовались и в декабре 1521 г. добились «сведения» с престола митрополита Варлаама, на его место избрали игумена Иосифо-Волоцкого монастыря Даниила. В его лице Косой получил серьезного противника, борца за чистоту Православия. Но «старец» набрал такое могущество, что еще несколько лет оставался неуязвимым даже для митрополита. В 1526 г. ересь обнаружил архиепископ Ростовский. Его нельзя было уничтожить, как безвестного попа Серапиона. Но Косой добился от великого князя грамоты о неподсудности «заволжских старцев» архиепископу [77].

Он обзавелся и помощниками. Одним из них стал Максим Грек (Михаил Тиволис), личность с очень бурным прошлым. В юности он жил в Париже, учился в Италии, постигал науку «гуманистов», неоплатоников, а заодно астрологию и прочие оккультные дисциплины. Перешел из православия в католицизм, принял постриг в доминиканском монастыре. Но, как свидетельствовал боярин Михаил Захарьин, оказался в числе 200 человек, обучавшихся «любомудрию философскому и всякой премудрости», которые «уклонились и вступили в жидовский закон и учение» [78]. Уличенный в этом, он бежал на Афон, постригся во второй раз, в православные монахи.

В 1515 г. великий князь направил на Афон посольство с просьбой прислать ученого инока Савву для перевода греческих книг на церковнославянский язык. Но неведомым образом вместо Саввы командировали Максима, хотя он не знал ни церковнославянского, ни русского. Историки обратили внимание еще на ряд загадок. Посольство почему-то задержали в Константинополе, а потом Максим Грек на целых два года остановился в Крыму. И.Я. Фроянов показал, что за этим стояли некие внешние силы: «Таким образом, Максим Грек приехал в Москву отнюдь не новичком, которому нееизвестно было положение дел на Руси, а осведомленным человеком, прошедшим специальную подготовку. Логично предположить, что все это он получил в Крыму» [79].

Великий князь и митрополит приняли его радушно, но он сразу стал нащупывать связи с оппозиционными боярами, «нестяжателями», с неофициальным представителем Ватикана в Москве, доктором Николаем Немчином. Поселили Максима в Чудовом монастыре, но вскоре он перебрался в Симонов, к Вассиану. «Едва появившись в Москве, Максим Грек стал сподвижником Вассиана Патрикеева. Между ними установилась идейная близость. Необходимо еще раз подчеркнуть, что с приездом Максима Грека заметно активизировалась деятельность Вассиана Косого, получившего новый (и что важно отметить) внешний импульс, источник которого находился за пределами Руси» [79].

Позже было доказано, что взгляды афонского гостя явно еретические. Он, например, утверждал, что пребывание Христа на небе такое же временное, как и Адама. Что вознесся только Дух Христа, а Тело где-то бродит в горах. На последующем суде Максим признался, что занимался даже волхованием, пытался воздействовать на великого князя, рисуя «водками» некие тайные знаки на своих руках. А проекты Косого о конфискации церковных земель он стал подкреплять подтасовками переводов греческих текстов. В Москве появился и некий Исаак. Впоследствии Максим Грек дал на него показания, называя «волхвом, чародеем и прелестником», проповедником ереси жидовствующих [80]. Но это было несколько десятилетий спустя, в 1549 г. А сперва Исаак Собака стал переписчиком книг, сподвижником Грека и Вассиана.

Келья Максима превратилась в подобие политического клуба. К нему приходили князья Иван Токмак, Андрей Холмский, бояре Василий Тучков, Иван Сабуров, Юшко Тютин, дьяк Федор Жареный. Обсуждались и богословские темы, и текущие события. Но с одним собеседником, Иваном Беклемишевым по прозвищу Берсень, Максим обычно оставался «долго один на один», без свидетелей. Когда он появлялся, келейников выставляли «тогда всех вон» [81]. А Берсень при Иване Великом был видным дипломатом, одним из помощников еретика Федора Курицына, приближенным Елены Волошанки. После ее падения звезда Беклемишева закатилась, он ненавидел Василия Ивановича и хаял его.

Грек был согласен с ним, называл государя «гонителем и мучителем нечестивым» [82]. Поносил и Русскую Церковь, не признавал ее самостоятельность. Говорил, что «митрополит здесь сам поставляется на митрополию без благословения патриаршего, не по правилам святых отец. Поэтому князь великий и митрополит сами ся прокляли и со всеми последующими им». Зато к унии Максим относился очень почтительно, изгнанного униатского митрополита Исидора называл «учителем истины» [83].

В Москве снова формировался заговор знати, связанный с еретиками, и вдобавок симпатизирующий католическому Западу. И эта возня оппозиции подпитывалась реальными надеждами на грядущие перемены! Василий Иванович был уже 20 лет женат на Соломонии Сабуровой, а детей у них не было. После смерти государя престол должен был перейти к кому-то из братьев. К 1525 г. их осталось двое – Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий. Оба по завещанию отца получили большие уделы, содержали собственные дворы, войска. Но были постоянно недовольны, что старший брат не делится с ними властью, казенными богатствами – и оппозиция тянулась к ним.

Да и не только оппозиция. Еще в 1507 г. польский посол передавал Юрию «тайные речи» короля Сигизмунда – тот предлагал князю вооруженную помощь в борьбе за московский престол [83]. После этого Юрий был замешан в заговоре Шуйских. А Андрей Старицкий женился на Ефросинье из рода Патрикеевых-Хованских [84]. Родственнице Вассиана Косого! Мало того, отец Ефросиньи был ближним боярином умершего в темнице князя Дмитрия – сына Елена Волошанки [85]. Соответственно, и ее доверенным лицом. Спрашивается, могли ли он и его семья остаться в стороне от ереси?

Наследование престола кем-то из братьев великого князя влекло за собой не просто передачу власти ближайшему родственнику, оно грозило для Руси очень крутыми переменами. Первым забил тревогу митрополит Даниил, организовал бояр и священнослужителей, чтобы отстоять прежний курс государства. Государю для продления рода он предложил пойти на развод. Так считал предстоятель Русской Церкви, невзирая на то, что как раз Церковь признавала брак незыблемым. Развод допускался в единственном случае – если один из супругов принимает постриг. Причем в подобной ситуации второй супруг, как правило, тоже уходил в монастырь. Но Даниил заранее разрешал Василию Ивановича от такого шага. Как видим, опасения митрополита за будущее страны и Церкви были и впрямь очень весомыми. Столь крайнее и

рискованное решение предлагалось всего лишь ради попытки зачать наследника. Ведь никто не мог гарантировать, что ребенок родится во втором браке, что это будет сын, а не дочь...

Великая княгиня Соломония (вероятно, после бесед с Даниилом) тоже прониклась ответственностью за судьбы страны. Летопись отметила, что она добровольно согласилась принести себя в жертву и попросилась в монастырь. Сама уговаривала любимого мужа, чтобы следовал своему служению и отпустил ее [86]. Но вопрос о разводе великого князя вызвал бурю при дворе и в Боярской думе. Братья Василия Ивановича благоразумно остались в стороне от споров. А партию противников развода возглавил князь Семен Курбский. К нему примкнули родственники Соломонии – Сабуровы, Вельяминовы, Годуновы. Мощно поддержали и Вассиан Косой, Максим Грек. Шумели, что это недопустимый, страшнейший грех.

Но удар по ним нанес митрополит. Косой был еще недосягаемой персоной, однако он выбрал цель посромнее – Максима. Сохранившиеся документы показывают, что Даниил уже собирал улики против него. Теперь его привлекли к суду Освященного Собора, предъявили обвинения как духовные, в ереси, так и политические – в хуле на государя, злоумышлениях на государство и Церковь. Он выкручивался как мог, но ересь была доказана, и волхование он сам признал. Причем все афонские монахи, приехавшие в Москву с Максимом, его келейник Афанасий, сербы Федор и Арсений, охотно дали показания против него. Очевидно, считали его «чужим» для себя [87].

На допросах Грек выдал одного из главных соучастников, Берсенья-Беклемишева. Помог изобличить его на очных ставках. Арестовали членов их кружка дьяков Жареного и Долматова, князя Холмского. Только Вассиана его помощник не назвал. Очевидно, из-за его особого положения, надежды на его помощь. Сотрудничество со следствием Максиму учли, казни он избежал. Его отлучили от Причастия и отправили в заточение в Иосифо-Волоцкий монастырь под надзор старцев Тихона Ленкова и Ионы, призванных наставлять его в вере и наблюдать за его исправлением. Митрополит Макарий (Булгаков) отмечал: «Отнюдь не в вымышленных каких-то заблуждениях и погрешениях обвинили Максима, а в действительных. И если некоторые из них он отклонил от себя, зато в других, и немаловажных, сознался перед лицом Собора» [103]. Его сообщников передали светскому суду. Берсенья-Беклемишева обезглавили, дьяка Жареного били кнутом и урезали язык. Холмский и Долматов попали в темницу.

Оппозиция примолкла, и в ноябре 1525 г. Соломония приняла постриг. В Суздальском Покровском монастыре она прославилась монашескими подвигами, посмертными чудесами, была канонизирована как преподобная София Суздальская. Хотя побывавший в данное время в Москве австрийский посол Герберштейн изложил совершенно другую версию. Будто митрополит постригал Соломонию насильно, она сопротивлялась, вырывала и топтала рясу, и сдалась лишь после того, как дворецкий Шигона ударил ее плетью. Герберштейн передает и слух, якобы в монастыре вдруг обнаружилась беременность Соломонии. Она, к раскаянию мужа, родила сына Георгия, но никому его не показывала. Предрекала, что он явится «в мужестве и славе» и станет мстителем за мать [89]...

Но стоит иметь в виду, что записки Герберштейна – документ крайне ненадежный. Его миссии в Москву дважды провалились, русские обмануть себя не позволили, и озлобленный дипломат в воспоминаниях, специально написанных для западной публики, постарался погуще полить нашу страну грязью, даже не заботясь о правдоподобии. Писал, например, что русские – рабы по натуре. Калачи любят из-за того, что они по форме «напоминают ярмо», а кулачные бои устраивают, «чтобы люди привыкли переносить побои». Да и в описании развода хватает грубых нестыковок. Ведь целью второго брака было рождение наследника. Мог ли государь при этом гневить Бога откровенным беззаконием? Предложение о разводе рассматривалось весной и летом. А постриг совершался в ноябре. Гипотетическая беременность уже проявилась бы. Да и как могла бы монахиня не показать ребенка, если бы государь этого потребовал?

Зато по запискам Герберштейна очевидно, каким силам симпатизировал католический Запад в разыгравшейся схватке. Сплетни о насилии над Сабуровой посол мог услышать только от оппозиционных бояр. Мы уже отмечали, что одним из его информаторов, передававшим географические секреты, был Семен Курбский – и он же возглавлял кампанию против развода. Кстати, упоминание о «тайном» сыне Соломонии может свидетельствовать, что уже в те времена возникала идея использовать самозванца, хотя еще не была реализована.

Но оппозиция проиграла. Семен Курбский попал в опалу – впрочем, мягкую, поехал воеводой в Нижний Новгород. Наставлениями Вассиана государь на этот раз пренебрег. А для поисков невесты он обратился к древнему византийскому обычаю. Все знатные семьи должны были представить своих дочерей подходящего возраста и здоровья. Лучших привозили в Москву. Здесь их изучали доверенные боярыни, осматривали знахарки и повивальные бабки на предмет способности к деторождению. И уже сам великий князь выбирал – какая приглянется. Для остальных девушек он выступал сватом, выдавал их замуж за придворных. Но выбор Василия Ивановича многих удивил, он пал на Елену Глинскую. Ее отец Василий служил на невысоких должностях и уже умер. Дядя, Михаил Глинский, сидел за измену в тюрьме. Никакого расчета в таком браке быть не могло. Летописи называют единственную причину – Елена привлекла государя, «лепоты ради ея лица и благообразия» [90]. Она была редкой красавицей. Судя по всему, пятидесятилетний Василий просто влюбился в нее.

На свадьбе три дня гуляла вся Москва. Ради супруги великий князь простил и освободил ее дядю Михаила. А предположение о влюбленности подтверждается тем, что сам государь стал молодиться, даже сбрил бороду, хотя церковными правилами это не приветствовалось. Но возраст мужа, видимо, сказывался. Зачать ребенка не получалось три года. Оппозиция опять оживилась. Распускались слухи, что брак обречен на бездетность из-за греха развода. Великого князя снова обрабатывал Вассиан. Чтобы отвлечь его от молодой супруги, запустили грязные сплетни о ней.

Но противники Елены просчитались. За ее честь Василий Иванович вступился решительно и яростно. Клеветников и сплетников одним махом раскидал по ссылкам. В опалу попали князья Щенятев, Горбатый-Суздальский, Плещеев, Ляцкий, боярин Морозов, даже бывший любимец дворецкий Шигона. Обвалилось влияние и другого приближенного, Косого. Василий Иванович стал избегать общения с ним. А у Даниила давно уже копились материалы на «старца». Теперь им дали ход.

В 1531 г. вчерашнего временщика привлекли к суду Освященного собора вместе с помощником, Исааком Собакой. Повторно вызвали на суд и Максима Грека. По свидетельствам надзиравших за ним монахов, он «покаяния и исправления не показавше». Теперь перепугался, просил прощения, но признавал себя виновным только в «неких малых описях» в переводах церковных текстов, происходивших случайно или «по забвению», «по излишнему винопитию» [91]. А Исаака он сам обличил, оценив его вставки в переписываемые книги: «То, господине, ересь жидовская, а яз так не переводил, и писати не веливал... Аще ли буду таков хулу мудрствовал или писал, да буду проклят» [92].

Вассиану на суде предъявили серьезнейшие обвинения. Христа он называл «тварью», отрицая Божественную природу Спасителя (это полностью совпадало с учением жидовствующих), хулил Деву Марию, призывая не называть Ее Богородицей. Русских святых чудотворцев издевательски обзывал «смутотворцами», а церковные правила «кривилами». О трудах Святых Отцов отзывался, что они «диаволом писаны» [93]. Все это было доказано свидетелями на очных ставках, Косого отправили в заточение в Иосифо-Волоцкий монастырь, где он и умер через некоторое время.

Исаака Собаку отлучили от Церкви и сослали в Волосов монастырь под Владимиром, предписав его «в крепости велицей держати». Максима Грека Собор тоже осудил «аки хульника и Священных Писаний тлителя», его сослали в Тверской Отрочь монастырь. Но Тверской

епископ Акакий счел образованного узника интересным собеседником (а может, сочувствовал еретикам). Улучшил содержание, снял оковы, дозволил писать, приглашал к себе за трапезу.

А тем временем Василий Иванович и его супруга горячо молились о ребенке. И не только они, а вся страна! Моления о наследнике возносились на каждой службе во всех храмах, в монашеских кельях. Господь услышал их. Елена почувствовала, что «затяжелела». Обрадованный муж повез ее в паломничество по святым местам – побывали в монастырях Переславля, Ростова, Ярославля, Вологды, на Белом озере. А юродивый Домитиан предсказал Елене, что она родит «Тита широкого ума» [94].

Это предвидение оказалось очень точным. Наследник появился на свет 25 августа 1530 г. (по новому календарю – 7 сентября), когда Церковь отмечает день святого апостола от семидесяти Тита. Государь с женой в это время находились в своей подмосковной резиденции, Коломенском. А летописи отметили, что рождение ребенка сопровождалось сильнейшей грозой, хотя сезон летних гроз уже миновал. «В настоящий час рождения его бывшу внезапно бысть гром страшны зело, и блистанию молний бывшу по всей области державы их, яко основанию земли поколебаться, таковому страшному грому». «Гром страшен зело и блистание молний по всем областям Земли Русской. Подобного грома и трясения воздуха не было от сотворения Земли» [95, 96]. Само Небо приветствовало младенца и свидетельствовало: в мир пришел Грозный Царь! Подтверждало его грядущую мощь и славу.

Долгожданное рождение наследника стало великим праздником и для родителей, и для всех русских людей. Крестить ребенка Василий Иванович повез в Троице-Сергиев монастырь. Восприемников выбирал сам. Ими стали преподобный Даниил – игумен Троицкого монастыря в Переславле, очень почитаемый старец Иосифо-Волоцкого монастыря Кассиан Босой – ему было уже сто лет, его привезли «яко младенца». А после крещения отец положил малыша на гробницу Сергия Радонежского. Молил, чтобы святой был наставником и покровителем сына. Его нарекли Иваном – в честь святого Иоанна Предтечи.

Великий князь не знал, как выразить переполнявшую его радость. Простил и освободил преступников, Мстиславского и Шуйских, вернул ко двору опальных Горбатого, Плещеева, Морозова, Ляцкого, Шигону. Поздравить государя приходила не только знать. Шли простые москвичи, приезжали люди из далеких городов – и всех принимали в Кремле, всем позволяли увидеть великого князя. Приходили пустынники и отшельники, благословляли дитя, и Василий Иванович угощал их за собственным столом. Он раздавал милостыню, вклады в монастыри, велел изготовить драгоценные раки для мощей московских святителей Петра и Алексия – для одного золотую, для другого серебряную.

Государь повелел строить два храма в Кирилло-Белозерском монастыре (он верил, что вымолить сына помог преподобный Кирилл Белозерский). А на месте рождения, в Коломенском, начал строить храм Вознесения Христова. Дивный и прекрасный, какого еще не бывало на Руси. Величественный и одновременно изящный, вздымающийся с высокого берега Москвы-реки белокаменный шатер прямо к облакам. Как бы соединяющий земное и Небесное и возносящий к престолу Господа благодарственную молитву. Заложил и храм Усекновения Главы Иоанна Предтечи в Дьякове, рядом с Коломенским. А младенец мирно спал в пеленках и не знал, что *он уже спас Православную Церковь и Россию!* В первый, но далеко не последний раз. Спас их самим фактом своего рождения!

Потому что Европу в это время охватил пожар Реформации. Она начиналась под теми же самыми лозунгами, которыми оперировали русские «нестяжатели», – секуляризации церковной собственности, борьбы за «оздоровление» церкви. Но разброд в умах порождал все более радикальные лжеучения, и все выливалось в резню, погромы, свирепые религиозные войны. Центров Реформации было много, вроде бы независимых друг от друга. И течения возникали разные. Но в них обнаруживается общая основа – отрицание церковной иерархии, собственности, иконоборчество, отвержение Святых Таинств – или выхолащивание их сути, низведение

до чисто символического обряда. Такое сходство и синхронность в разных странах позволяют предположить, что за процессами Реформации стояли некие скрытые силы, сумевшие подготовить общеевропейскую катастрофу.

Но в России рождение наследника не позволило оппозиции перехватить власть. Избавило нашу страну и Православную Церковь от такого бедствия. Впрочем, ереси не были уничтожены, и следы их воздействия можно обнаружить вплоть до наших дней! Например, в исторические труды, в том числе и церковные, внедрилась ложь Вассиана Косого о вражде преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, о борьбе чистых и благородных «нестяжателей» с корыстолюбивыми и жестокими «иосифлянами». Осуждение и заточение Максима Грека преподносится как безвинное, результат мести «иосифлян» и политических интриг.

Не только в светской литературе, но даже в житиях святой Софии Суздальской отразилась вовсе не правда, зафиксированная в русских летописях, а клеветническая версия иностранного дипломата Герберштейна о насильственном пострижении, причем тоже со ссылками на «старца Вассиана»! Такие истины внушаются верующим даже невзирая на то, что умаляют подвиг преподобной Софии, подвиг добровольного отречения от мира ради продления династии. Святитель Даниил, разгромивший очередное гнездо ереси, выставляется лукавым царедворцем, готовым ради личных выгод совершить страшный грех. Великий князь Василий – бездушным тираном и сластолюбцем. А рождение Ивана Грозного, благословленное Самим Господом, – актом вопиющего беззакония. Что ж, заказчики этой клеветы очевидны. Но ведь до сих пор находятся и исполнители.

Глава 4

Мать

Еще одно символическое совпадение – Иван Васильевич родился во время очередной войны с Казанью. Хан Сафа Гирей нарушил клятву о мире и подчинении Русскому государю. Позвал крымских советников, 30 тыс. ногайцев и готовился напасть. Василий Иванович упредил его. Летом 1530 г. русское войско вторглось в ханство и осадило Казань. Она была сильно укреплена, отбивалась. Но воевода передового полка Иван Оболенский-Телепнев по прозвищу Овчина обнаружил, что защитники по ночам спят. Подобрались с воинами к деревянным стенам, обложили их хворостом и соломой, подожгли. С криками ворвались в Казань, там поднялась паника. Хан услышал, что русские уже в городе, вскочил на коня и помчался спасаться. Телепнев-Овчина погнался за ним.

Но главные воеводы Иван Бельский, Горбатый, Кубенский не поддержали успешную атаку. Даже охрану собственного лагеря не организовали. Из соседних лесов за ним наблюдали подданные хана, черемисы. Когда запылали казанские стены и закипел бой, среди ратников началась суматоха – и черемисы напали, захватили обоз и утащили 70 пушек. А после обмена ночными ударами Бельский вступил в переговоры с ханом. Точно так же, как в прошлом своем походе, согласился снять осаду, если Сафа Гирей принесет повторную присягу великому князю, вернет русским их артиллерию и отпустит пленных. Современники подозревали, что Бельский уже во второй раз получил от казанцев отступного в собственный карман [97].

Хотя Сафа Гирей вовсе не собирался соблюдать мир. Как только государева армия ушла, он все договоренности отбросил. Московских послов, приехавших к нему принимать присягу, грубо обругал. Пленных и пушки не вернул, призвал своих подданных убивать русских. Василий Иванович за такое командование разгневался на Бельского, грозил серьезным наказанием. Но родился наследник, и на него распространилось общее прощение для всех опальных. Кто же знал, что это появился на свет настоящий покоритель Казани?

Впрочем, и Василий Иванович все-таки выиграл войну. Его войска крепко разорили ханство, увели немало пленных. Казанцы забеспокоились, что Сафа Гирей своей наглостью навлечет на них новый поход. Не освободив русских, он и их родных со знакомыми обрек на неволю. Московская дипломатия поддержала недовольных, и в Казани произошел мятеж. Сафа Гирей сбежал в Крым, ногайцев выгнали. Городская верхушка вступила в переговоры с великим князем, и он послал ханом в Казань своего подданного, татарского царевича Джан-Али.

Все эти события пока не касались женской половины государева дворца. Здесь шла своя жизнь, и центром ее был младенец, сопевший в колыбельке. Как было принято, для него сформировали собственный штат придворных и прислуги. «Мамкой» стала боярыня Аграфена Челяднина, она руководила няньками, кормилицами, слугами. И все они несли важнейшую государственную службу. Растили будущее страны – нового государя. Василий Иванович, находясь в отъезде, регулярно писал жене трогательные письма и всегда вспоминал сына. Интересовался каждой мелочью: «Да о том ко мне отпиши, как тебя Бог милует, и как Бог милует сына Ивана... Да о кушанье о Иванове и вперед мне отписывай, что Иван сын коли кушает, чтоб то мне ведомо было» [98]. Когда у мальчика на шее появился нарыв, государь взволновался. Требовал сообщить ему, «ныне ли что идет у сына Ивана из больного места или не идет» и «каково то у него больное место, уже ли поопало или еще не опало» [99].

А своих братьев, Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, великий князь в 1531 г. привел к новой присяге – быть верными не только себе, но и наследнику. Что ж, это было совсем не лишним. Государь не принадлежал самому себе и семье. В первую очередь он испол-

нял долг, оберегая свою державу. Как ее называли тогда, Русию. Чуть позже святитель Макарий введет в оборот другое произношение – Россию. Но в те времена опасности подстерегали ее в любой момент.

В 1532 г. ничто не предвещало бури. Со всеми соседями был мир. Правда, на южных рубежах появлялись отряды крымцев – а эти рубежи лежали совсем близко от столицы. Калуга, Тула, Кашира, Серпухов, Рязань уже считались приграничными крепостями. Но наскоки мелких банд были обычным явлением, их даже не считали войной. С ними отлично справился воевода Каширы Иван Овчина-Телепнев. Он приходился родным братом «мамке» маленького Ивана Аграфены Челядниной, и его подвиги не оставались незамеченными. За казанский поход государь пожаловал его чином окольничего, молодой воевода вошел в Боярскую думу. За отражение крымцев он стал боярином.

Но в целом лето прошло спокойно, и великий князь засобирався на охоту в Волоколамск. Это было давней традицией. Выезжали осенью – как раз из-за того, что крымцы обычно нападали весной или летом. По современной терминологии, это был отпуск великого князя. Охоты верхом, на свежем воздухе помогали укрепить здоровье перед зимой, когда придется подолгу находиться в закрытых помещениях. С государем отправлялся весь его двор, личная дружина – охоты были и тренировками, сплавляли людей, помогали выявить их качества. Но они были и просто красивы, скакать на коне по лесам и лугам, наслаждаться взором великолепия родной природы.

Уже грузили в обозы припасы, и вдруг с границы прилетели донесения – идет крымский хан Сахиб Гирей со всей ордой! Решил нагрянуть неожиданно, в необычное для татар время. Когда о набеге узнали в Москве, крымцы уже обложили Рязань. Сожгли посады, полезли на городские стены, но гарнизон и жители отбили штурм. Василий Иванович велел готовить Москву к осаде, жителям укрываться в Кремле – память о нашествии 1521 г. была еще свежей. Сам он выехал в Коломну. Разослал приказы войскам из разных городов собираться к себе. Решил встретить врагов на Оке, перекрыть путь к столице.

Отряды конницы он выслал на разведку, навстречу хану. Телепнев-Овчина с московскими дворянами обнаружил авангарды крымцев возле Зарайска. С ходу бросился в атаку, многих порубил и потопил в реке Осетр. Погнался за удирающими неприятелями – и нарвался на всю орду. Его отряд окружили тучи татар. Однако Телепнев дрался яростно, умело, а московские дворяне – воины государева двора – были лучшими. Удалось вырваться назад. Сахиб Гирей встревожился. Счел, что встретился с передовым охранением, а за ним идет вся рать Василия Ивановича, которой ещё не было – она только собиралась. Но хан решил не рисковать, повернул обратно в степи. Окраины он опустошил изрядно и хвастался, будто угнал 100 тыс. пленных. Конечно, преувеличивал. От центральных, самых густонаселенных областей его отпугнули.

За это великий князь опять наградил Телепнева, пожаловал ему высший придворный чин конюшего. У самого Василия Ивановича добавилась семейная радость. 30 октября супруга принесла ему второго сына, Георгия. Династия укреплялась! А старший, Иван, уже начал вставать на ножки, делал первые шажки по русской земле. Но государь с женой еще не знали, что Георгий окажется глухонемым. Может быть, сказался испуг Елены от крымского нашествия, может – какие-то иные причины. Не знали они и другого. Что жить всей семьей им осталось совсем мало.

Следующее лето выдалось мирным. Великий князь собрался на охоту, не удавшуюся в прошлом году. Сперва с женой и детьми поехал в Троице-Сергиев монастырь. У гробницы Сергия Радонежского помолились в день его памяти, 25 сентября. А потом направились в Волоколамск. Но на бедре Василия Ивановича появилась болячка, беспокоила. Он не придавал значения, надеялся перетерпеть. Пригласил отдохнуть вместе брата, Андрея Старицкого. В селе

Колпь выехали поохотиться, но государь смог проскакать лишь две версты, боль заставила его вернуться.

Тогда он вызвал к себе иноземных врачей Николая Булева и Феофила, а вместе с ними князя Михаила Глинского. И.Я. Фроянов обращает внимание на этот факт – никакого отношения к медицине Глинский не имел, после освобождения из тюрьмы не занимал важных постов. Видимо, теперь великий князь рассудил, что родственник жены будет гарантированно верным, не предаст. Вызов Глинского свидетельствует, что обстановка при дворе была очень сложной, и Василий Иванович знал – у него есть враги, которые не остановятся перед любыми средствами [131].

Врачи начали прикладывать к больному месту «муку пшеничную с медом пресным и лук печен», но после двух недель лечения становилось только хуже, бедро стало краснеть и загнивать. Государя перевезли в Волоколамск, и здесь неизвестным образом появилась некая мазь. Нарыв от нее прорвался, но облегчения это не принесло, а только новое ухудшение. Гноя выходило все больше, Василий Иванович перестал есть, в груди появилась «тягость велика». Было ли это неспособностью тогдашней медицины справиться с заболеванием? Или ошибкой врачей? Или?...

И.Я. Фроянов, анализируя документы, пришел к мнению, что «залечивание» великого князя было совсем не случайным [131]. Он был сильным и мужественным человеком, стойко переносил страдания. И приближение смерти воспринял как истинный православный человек. Но по его действиям опять видно – он прекрасно осознавал, что рядом есть скрытые враги. В Волоколамске с ним находились брат Андрей Старицкий, князья Дмитрий Бельский, Иван Шуйский, Иван Кубенский. Но великий князь скрывал от них, что собирается предпринять. В курсе был только Шигона. Стряпчего Мансурова и дьяка Путятина послали в Москву – привезти духовную грамоту (т. е. завещание) отца государя и его собственную старую духовную грамоту, она составлялась еще до рождения наследника. Гонцов отправили в строгом секрете, разглашать цель поездки им запрещалось.

Как только грамоты доставили, Василий Иванович сразу же, без промедления, «свою духовную велел сжечь» [101]. Уничтожил опасный документ, согласно которому престол переходил к брату Юрию. После этого так же, без промедления, ночью 26 октября государь стал совещаться с Шигоней и дьяком Путятиным, кого «пустить в думу к духовным грамотам и приказать свои государев приказ» – кого из присутствующих в Волоколамске допустить к составлению нового завещания. Этот вопрос оказывался совсем не простым. Его и не решили – появилось новое лицо. Невзирая на все меры секретности, кто-то сообщил о болезни государя Юрию Дмитровскому, и он примчался в Волоколамск. Великий князь не желал, чтобы он находился здесь. Заверил его, что выздоравливает, и велел уехать. Но тот не выполнил приказ.

Доктор исторических наук Фроянов объясняет столь дерзкое упрямство тем, что Юрий «был посвящен в тайны московского двора» и ему «было кое-что известно насчет исхода болезни» старшего брата [102]. Но тогда сам Василий Иванович отказался от составления духовной в Волоколамске, велел везти себя в Москву. Мало ли что могло произойти в здешней глуши? С Юрием была дружина слуг. Свои отряды были у Андрея Старицкого, у бояр. Как они себя поведут в случае смерти государя? И какая духовная грамота потом может быть предъявлена?

Но перед отправлением в столицу, невзирая на самочувствие, Василий Иванович решил заехать «в Осифов монастырь ко Пречистыя молиться... Иосифа игумена гробу поклониться» [103]. Это свидетельство чрезвычайно важно. Государь знал о связях оппозиции с еретиками. Наказал он не только Вассиана Косого, впоследствии изменник Андрей Курбский обвинял его, что он «и других святых мужей, овых заточил на смерть, а других погубити повелел» [104]. Великий князь явно подозревал, что его болезнь исходит из тех же кругов, и молил о

помощи в признанном центре борьбы с ересями. Он хотел и покаяться, попросить прощения у Иосифа Волоцкого за то, что поверил в свое время Косому, позволил ему клеветать на святого.

Но и в Москве было кое-что необычное. Там вдруг очутились «многие людие иноземцы и послы». С какой стати? Вероятно, тоже услышали о скорых переменах на Руси [105]. Это еще одно свидетельство не случайного характера болезни и еще одно доказательство связей оппозиции с границей. Василию Ивановичу было уже очень плохо, он остановился в своем подмосковном селе Воробьеве. Сюда к нему прибыли митрополит, духовенство, бояре. Лед на Москве-реке был еще тонким, и государь повелел прорубить его, навести мост. И опять произошел очень подозрительный случай.

Мост делали для больного государя! Но когда по нему двинулись лошади, впряженные в зимнюю повозку, он провалился... Кони ухнули в воду, потянули повозку за собой. Спасли положение дети боярские из свиты Василия Ивановича. Не растерявшись, обрубили гужи, а повозку удержали на руках. Снова – случайно ли? Момент был самым подходящим, новая духовная еще не составлена. Если бы не расторопность детей боярских, великий князь в закрытой повозке ушел бы под лед. Как минимум, окунулся бы в ледяную ванну, вполне способную добить больного. Но Василий Иванович уже простался с миром, поэтому запретил наказывать строителей моста.

А в Кремле, едва лишь государя принесли в его покои, он сразу собрал у постели митрополита, бояр и велел дьякам составлять новую духовную. При всех! Чтобы никто не мог оспорить! Наследником назначил трехлетнего сына Ивана. До 15-летнего возраста он должен был находиться на попечении матери и совета опекунов. В их состав сам Василий Иванович определил Михаила Глинского. Но и бояре подали голоса. С их подачи в число опекунов включили Василия Васильевича и Ивана Васильевича Шуйских, Михаила Тучкова. Также в регентский совет попали Андрей Старицкий, бояре Захарьин-Юрьев, Михаил Воронцов. И многозначительный факт – бывшего заговорщика Юрия Дмитровского в этот совет не включили, хотя он был старше брата Андрея.

Судя по поведению государя, он озноточно опасался за судьбы страны и маленького наследника. От братьев Юрия и Андрея, уже принесших в 1531 г. присягу на верность ему и княжичу Ивану, потребовал еще одной, повторной присяги. Мало того, при этом заклинал братьев, что надеется на их честь и совесть, убеждал исполнять крестное целование. То есть, не был уверен, что исполнят. Сбивчивые речи выдают его переживания и растерянность. Он призывал бояр «блюсти крепко» сына и державу, просил «не оставлять» его племянников Бельских. Но тут же убеждал и Бельских, чтобы были верными наследнику. А особенно надеялся на Михаила Глинского, внушал, что он должен за ребенка и Елену «пролить всю кровь свою и дать тело свое на раздробление» [106]. Да, Василий Иванович предвидел, что они будут в опасности.

3 декабря 1533 г. государь опять собрал бояр, четыре часа говорил с ними «об устроенье земском, како бы правити после его государству» и «како без него Царству строитися» [107]. Из этих слов видно, что Василий Иванович уже помышлял об официальном превращении России в Царство. Обсудив дела, он велел привести жену и детей – попрощаться. Ивана принес на руках Иван Глинский, брат государыни, отец благословил наследника крестом святого митрополита Петра. Елена рыдала, ее привели под руки. А муж даже нашел силы успокаивать ее, уверял, что чувствует себя лучше. Но мамке Аграфене Челядниной великий князь приказал «ни пяди не отходить» от ребенка. Он боялся за наследника. Супруга хотела остаться с ним до конца, но муж понимал, насколько это будет тяжело, и велел уйти.

Он давно решил принять перед кончиной монашеский постриг, и чувствовал – пора. Государь ненадолго забылся, а когда проснулся, стал рассказывать, что ему явилась святая великомученица Екатерина. Принесли ее икону и Святые Дары, чтобы причастить Василия Ивановича. Но он еще не ушел из жизни, когда его опасения стали сбываться. С ним уже пере-

стали считаться! Он просил пострижения, митрополит хотел начать обряд. А группа бояр во главе с Андреем Старицким внезапно воспротивилась, старалась не допустить этого. Государь отходил, над ним читали канон на исход души, он шептал молитвы немеющими губами, целовал простыню, ожидая обряда. А рядом с ним разыгрывалась безобразная сцена. Бояре орали, спорили, не обращая на него внимания.

Казалось бы, какая им была разница, умрет Василий мирянином или монахом? Столь странное поведение находит только одно логичное объяснение – если вспомнить, с какой ненавистью относились к монашеству Вассиан Косой и прочие еретики. А ведь Андрей Старицкий через жену Ефросинью породнился и с Косым, и с окружением Елены Волошанки. Дошло до того, что Андрей и Воронцов принялись вырывать у митрополита монашескую ризу. Даниил умирил их только угрозой проклятия: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!..» После этого пострижение пришлось производить спешно. В суматохе обнаружили, что забыли мантию для нового инокa, и троицкий келарь Серапион отдал свою. Великий князь Василий, ставший иноком Варлаамом, ушел в мир иной.

Митрополит сам омыл его тело и облачил в монашеское одеяние. Но и он тревожился о будущем. Прибрав покойного, вывел в «переднюю горницу» братьев государя и снова, уже в третий раз (!) привел их к присяге верно служить наследнику и его матери, не изменять им ни словом, ни делом и «не искать великого княжения». Причем Юрий Дмитровский упирался, пытался уклониться от целования креста. Но митрополит и поддержавшие его бояре настояли на клятве. К аналогичной присяге Даниил привел всех собравшихся и лишь потом пошел к Елене сообщить о смерти мужа...

На похоронах скорбела и рыдала не только вдова. Ей вторила вся Русь. Василия Ивановича любили, жалели о нем. Русские источники единодушно называли его «добрым», «ласковым». А отношение простолюдинов кратко и образно передал летописец: «Дети хоронили своего отца» [108]. Отныне их государем стал несмышлениш Иван. Он и начал свое служение. Еще не осознанно, символически. Уже через несколько дней после отцовских похорон малыш принимал гонцов от Крымского хана, «подавал им мед» [99]. То есть, сидел на престоле под присмотром опекунов. От его имени говорили нужные слова, подносили угощение.

Хотя Василий Иванович был прав, и место на этом престоле оказалось чрезвычайно опасным. Миновал лишь месяц, как обнаружился заговор. Летопись сообщает, что боярин Андрей Шуйский «помысли к князю Юрию отъехать, и не токмо отъехать, но и на великое княжение его поднять» [109]. В московском доме Дмитровского князя собирались его сторонники. Обсуждали, что присягу маленькому Ивану вынудили силой. Что новый государь и его опекуны должны были дать Юрию взаимную присягу соблюдать его права. А если не дали, то клятва недействительна. Отметим, что такое понимание взаимных обязательств вассала и сюзерена было совершенно не характерным для Руси. Оно соответствовало западной традиции. Обоснование для мятежа подводили или дипломаты, знакомые с европейским правом, или «многие люди иноземцы и послы», собравшиеся в Москве к моменту смерти Василия Ивановича.

Но когда Андрей Шуйский попытался вовлечь в измену князя Горбатого, тот не поддался, доложил в Боярскую думу и государыне Елене. Обратим внимание, даже ее покойный муж, явно подозревая Юрия, не мог себе позволить наказать брата, не имея прямых доказательств его вины. А уж Елене с ее шатким положением у власти вообще нельзя было подставляться под обвинения в беззаконии. Но доказательства измены были настолько весомыми, что бояре поддержали правительницу. В начале 1534 г. Юрий Дмитровский с Андреем Шуйским и прочими соучастниками были арестованы и заключены в тюрьму. Никаких протестов не выразил даже брат Юрия Андрей Старицкий. Впрочем, он-то оказался в выигрыше. Теперь на роль ближайшего кандидата на престол выдвигался он сам.

До нас не дошло портрета Елены Васильевны, описаний душевных и деловых качеств. Из летописей мы знаем лишь о ее красоте. Вероятно, и умирающий муж не верил, что жена смо-

жет править государством, поэтому старался подкрепить ее опекунами. И бояре поначалу не видели в ней полноправную властительницу. Но факты показывают, что она была очень умна. Елена сама пришла к выводу, что опекуны ненадежны и полагаться на них нельзя. Следующий конфликт назрел как раз с Андреем. В его удел, кроме Старицы, входили Верея, Вышегород, Алексин, Любутск, Холм. Арестованному Юрию принадлежали куда более крупные и богатые города – Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Брянск, Серпейск. Андрей подал челобитную государю Ивану Васильевичу и его матери, требуя отдать ему владения брата или, по крайней мере, их часть.

Но Елена уже раскусила – это потенциальный соперник сына. А увеличив владения, он усилится. Она отказала, хотя и ссоры хотела избежать. Дала богатую компенсацию из наследства покойного мужа: золото, драгоценности, шубы, кони. Однако Андрей, видимо, понял подоплеку отказа. Оскорбился, демонстративно покинул Москву, уехав к себе в Старицу. Принялся распространять всевозможные сплетни в адрес Елены. Все это оставалось безнаказанным. Власть матери и ребенка была слишком хлипкой. Она не считала себя достаточно сильной, чтобы за оскорбления привлечь князя к ответственности.

Но государыня разобралась, что различные группировки знати соперничают между собой. Боярская дума была легитимным, признанным органом власти, в нее входило 20 вельмож. Выдвижение семерых из них в качестве регентов многие восприняли болезненно. Считали себя по знатности рода ничуть не ниже. Елена стала пользоваться этим, проводя через Думу собственные решения. Она нашла себе и персональную опору. Ею стал вовсе не дядя Михаил Глинский, которого она в своей жизни почти не знала (и о котором летописи не сохранили ни единого доброго слова). Мамка великого князя Аграфена Челяднина стала теперь «ближней боярыней» государыни, а ее опорой – брат Челядниной, Иван Федорович Телепнев-Оболенский по прозвищу Овчина. Конюший, боярин, любимец военных, безудержно храбрый и умелый командир.

Иностранные авторы, изменники типа Курбского и опирающиеся на них либеральные историки впоследствии постарались посильнее опорочить мать Ивана Грозного. Совершенно игнорируя реальные факты, на нее навешивали обвинения в преследовании и гибели «невиновных» Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. А уж любовная связь с Телепневым среди «преступлений» Елены заняла центральное место. Хотя в данном отношении не мешало бы внести определенность. Да, об отношениях Елены Васильевны и Телепнева ходили слухи. Он был любимцем правительницы. Но между терминами «любимец» и «любовник» – огромная разница. А доказательств их связи не было и нет. Зато имеются факты, противоречащие данной версии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.